

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФАКУЛЬТЕТ РОМАНО-GERMANСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
КАФЕДРА ЛИНГВОДИДАКТИКИ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ПО ПРОГРАММЕ БАКАЛАВРИАТА

ГОЛОВКО ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА

СЕМАНТИЧЕСКИЕ РЯДЫ ФАУНОНИМОВ В ПЕРЕВОДЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ДЖ. БАРНСА «ПОПУГАЙ ФЛОБЕРА»

Выполнила:

Студентка 4 курса очной формы
обучения

Направление подготовки 45.03.02

Лингвистика

Профиль Перевод и переводоведение

Руководитель:

д. филол. н., проф.

Е.А. Морозкина

Е.В. Головки

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1 Лексико-семантическое поле в лингвистике	5
1.1 Системный подход к лингвистике	5
1.2 Семантическое поле как способ описания языковых явлений	10
1.2.1 Понятие термина «лексико-семантическое поле».....	12
1.2.2 Понятие термина «лексико-семантическая группа»	16
1.2.3 Понятие термина «лексико-тематическая группа»	21
1.3 Особенности художественного перевода	23
Выводы по первой главе.....	26
ГЛАВА 2 Фаунонимическая лексика в составе семантического поля «животное» (animal) в произведении Дж. Барнса «Попугай Флобера» в переводе А. Борисенко, В. Сонькина	27
2.1 Животный мир как компонент культуры	27
2.2 Основные принципы исследования зоонимической лексики	30
2.3 Понятие терминов «фауноним» и «фаунонимическая лексика»	34
2.4 Семантическое поле «животное» (animal) в произведении Дж. Барнса «Попугай Флобера» в переводе А. Борисенко, В. Сонькина.....	38
Выводы по второй главе.....	57
ГЛАВА 3 Формирование семантических рядов фаунонимов в произведении Дж. Барнса «Попугай Флобера» в переводе А. Борисенко, В. Сонькина	58
3.1 Анализ семантических рядов фаунонимов.....	58
3.2 Семантический ряд фаунонимов со значением «bear»	64
3.3 Семантический ряд фаунонимов со значением «parrot».....	72
3.4 Неточности и погрешности перевода произведения Дж. Барнса «Попугай Флобера» за авторством А. Борисенко, В. Сонькина.....	78
Выводы по третьей главе.....	83
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	84
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	86

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена анализу и описанию семантических рядов фаунонимов как части лексико-семантического поля «животное» в английском языке в рамках перевода художественного произведения.

В течение всей истории развития лингвистической науки многие исследователи предпринимали попытки рассмотреть язык как систему, которая включает в себя связанные между собой элементы и подсистемы. Лексико-семантическое поле, будучи одной из таких систем, может быть использовано для организации различных типов лексики, таких как, например, фаунонимическая лексика.

Актуальность работы заключается в том, что, несмотря на большое количество исследований системного характера языка и отдельных лексических групп, исследователи все еще не пришли к единогласному мнению по этой проблеме. Сравнительный анализ оригинального произведения и его перевода при помощи лексико-семантического поля может послужить средством улучшения качества перевода.

Цель данной работы заключается в исследовании семантических рядов фаунонимов в переводе романа Джулиана Барнса «Попугай Флобера» при помощи лексико-семантического поля как целесообразного способа организации лексических единиц в языке.

Цель исследования предполагает решение таких задач, как:

- определить значение понятия «лексико-семантическое поле» в современной лингвистике, а также структуру и состав поля;
- изучить понятия «зооним» и «фауноним», необходимые для классификации исследуемых лексических единиц;
- определить лексический состав лексико-семантического поля «животное» в английском языке;
- провести сравнительный анализ фаунонимической лексики и семантических рядов фаунонимов в рассматриваемом произведении и его переводе.

Объектом исследования являются лексические единицы, входящие в состав лексико-семантического поля «животное» в английском языке.

Предметом исследования являются структурно-семантические особенности лексических единиц, входящих в лексико-семантическое поле «животное» в английском языке.

При исследовании использовались следующие **методы**: описательный метод, индуктивно-дедуктивный метод, при помощи которого происходил анализ теоретического материала, метод классификации, метод сравнительного анализа.

Методологической и теоретической основой исследования служат труды зарубежных и отечественных исследователей: Л.М. Васильев, В.В. Виноградов, Й. Трир, В. Порциг, Л. Вейсгербер, К. Леви-Стросс, Ю.М. Лотман, И.В. Куражова, О.В. Галимова, В.Р. Галиаскарова и непосредственно сам роман Джулиана Барнса «Попугай Флобера», а также его перевод, выполненный А. Борисенко и В. Сонькиным.

Работа состоит из оглавления, введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы. В первой главе рассматривается теоретический материал, посвящённый исследованию понятия «лексико-семантическое поле». Во второй главе раскрываются такие понятия, как «зооним», «фауноним» и «фаунонимическая лексика», а также ЛСГ «животное» в оригинале и переводе произведения. В третьей главе происходит анализ художественного произведения на предмет наличия фаунонимической лексики и сравнение семантических рядов фаунонимов в оригинальном и переводном текстах.

Исследование особенностей лексико-семантического поля «животное» в английском языке, а также фаунонимической лексики, входящей в его состав, может стать подспорьем для дальнейшего более глубокого исследования этой и других групп лексики при переводе художественного произведения.

ГЛАВА 1 Лексико-семантическое поле в лингвистике

1.1 Системный подход к лингвистике

В ходе долгосрочного развития лингвистических учений особое место в плане упорядочивания известных данной дисциплине знаний всегда отводилось системе как необходимой мере решения множества комплексных лингвистических проблем в сочетании с действенным способом обобщения информации. Подход к лингвистике при помощи системы указывает на пути развития данной области, которые могли бы предложить планомерное изучение отдельных областей через призму упорядоченности. Насколько известно, коммуникация между людьми была бы невозможной без такого явления, как система, поскольку каждое высказывание говорящего представляет собой определенную организованную последовательность слов, которая обеспечивает понимание слушателем. Без системы данное взаимопонимание не может существовать как цельное, а каждое последующее высказывание без какой-либо определенной организации создавалось бы в таком ключе, в котором имело бы мало общего с процессом говорения. [Ивлева 1998: 23].

История создания в языке организованной системы, которая вмещала бы в себя большой пласт информации, берет свое начало еще с древности, когда лингвистическая наука только зарождалась. В то же время на данную тематику возникают и первые труды, которые опираются на философские учения. Само представление об упорядочивании языковых единиц по определенным группам имело место уже во времена средневековья, ярким примером чего являются различные словари и грамматические пособия, создававшиеся в то время, такие как «Всеобщая грамматика Пор-Рояля». Одним из первых крупных объединений в языковой среде стала организация языковых единиц по части речи. До прихода в лингвистику идеи структурности в трудах многих ученых в данной области возникали описания таких различных мелких группировок, как ряды синонимов, пары антонимов, тематические группы, чему уделялось достаточно большое внимание. Представления о языке не просто как о совокупности взаимозависимых элементов, сочетаемых лишь механически, а как о живой

системе постоянно возникающих и меняющихся элементов, находят свое начало в рассуждениях таких великих лингвистов, как А. Шлейхер, который являлся основоположником натуралистического направления в лингвистике и считал, что каждый язык – это явление природы, неподлежащее механическому изменению, и А. Гумбольдт, который писал, что язык – это организм, а организм – это система [Гумбольдт 1984: 54]. Представление языка как системы можно также найти в размышлениях Ф. де Соссюра в его работе «Труды по языкознанию», где он рассматривает язык как произвольную систему знаков [Вендина 2005: 213].

Еще с самых ранних времен возникновения лексикологии, отечественные лингвисты, вслед за своими иностранными коллегами, изучали закономерности и возможности развития как слов в их отдельном представлении, так и словарных группирований в качестве части языковой системы. Российский языковед А. Потебня писал о языке как об упорядоченной системе, где любое его явление связано с другими [Хроленко 2004: 325]. Изучая альтерации в значениях слов в ходе истории, М. Покровский пришел к выводу, что группирование определенных слов может быть выделено в систему семантического ряда. В данной области, продолжая исследования по положениям таких ученых, как В. Порциг, Г. Ипсен, которые считали, что под словарным составом языка следует понимать организованную систему, состоящую как из лексико-синтаксических, так и из грамматических группирований слов [Башарина 2007: 2], и Й. Трир, который язык рассматривал как замкнутую самостоятельную систему, многие теоретики, такие как Л. Васильев, Ю. Караулов, Э. Кузнецова и др., в чьих работах предложены различные суждения о лексических группированиях, указывают на положительные продвижения в изучении системности языка и лексических объединений.

После обширной истории развития понятия термина «система», он остается неоднозначным, в настоящее время включая в себя несколько дефиниций. Слово «система», с греческого означающее «целое, составленное из частей», подразумевает собой множество элементов, находящихся в отношениях

друг с другом, которые образуют собой некую целостность [Большой Российский энциклопедический словарь 2003: 1345]. Ю. Степанов рассматривает систему как совокупность связанных внутренними отношениями элементов [Степанов 1975: 34]. Хроленко под системой подразумевает иерархическое целое, которое упорядочено и обладает необходимой для выполнения конкретной задачи совокупностью связанных друг с другом элементов [Хроленко 2004: 245].

Для полного осмысления понятия системы следует выявить основные ее элементы и элементы ее подсистем, а также выделить совокупность связывающих эти элементы отношений, благодаря которым система строится.

Как отмечает Звегинцев, в лингвистике имеются понятия как лексической системы языка, которая используется для обозначения системы в широком смысле, так и лексико-семантической системы, использующейся для описания микросистем [Звегинцев 1964: 10]. Наиболее четкой предстает дефиниция лексико-семантической системы, которая описывает ее как смысловую область единиц лексики, типов их группирований и то, как все элементы этой системы взаимодействуют между собой и с другими частями языковых микросистем, а также характер, условия и формы, при которых разнообразность языковых знаков выражается в дальнейшем разделении их на последующие лексико-семантические варианты слова [Звегинцев 1964: 12].

Подход к лингвистике при помощи системы подразумевает, что все словесные единицы какой-либо лексической системы, существуя не обособленно, образуют между собой тесную связь, создавая при этом, в свою очередь, различные подсистемы, которые основаны на определенных системных конструктах. Подобные подсистемы могут варьироваться от деления на части речи в рамках семантико-грамматической системы, образования групп слов с единым корнем, именуемых словообразовательными гнездами, рядов синонимов, пар антонимов, групп омонимов, до лексико-семантических и лексико-тематических групп, а также семантических полей.

Русский семасиолог М. Покровский, который был одним из первых исследователей, кто выделил в лексике системность, в этом плане описывал слова и их значения как единицы системы, объединяющиеся без участия человека в определенные группы, и объединение это основано на сходстве или различии компонентов данной системы [Покровский 1959: 73]. Это показывается на примере различных группирований слов, которые связаны общностью или противоположностью значений, сходством или противопоставленностью стилистических свойств, общим словообразовательным методом, единым происхождением, схожими функциями и принадлежностью к определенному типу лексики. Рассматривая систему языка с лексической точки зрения, Покровский указывал на наличие различных полей слов, некоторые из которых выделены «по сферам представлений», являя собой группирования внутри языка, а некоторые – «по предметным областям», находящимся вне языка. В современных лингвистических учениях эти идеи получили развитие в плане разработки теорий не только лексических и тематических групп, но и семантических полей [Вендина 2005: 151].

На сегодняшний день, несмотря на обширную базу знаний в этой области, проблема структуризации языковых единиц в рамках лексики и семантики ставит перед исследователями много трудностей и вызывает множество дискуссий, в ходе которых не было достигнуто единогласного решения. Из-за сложностей в подходе к такой фундаментальной задаче, ученые прибегли к созданию большого количества вариаций данной системы, так как лексический материал может быть разделен в зависимости от направления и функции исследования, что приводит к появлению различных лексических и тематических групп.

М. Фомина рассматривает иерархичность лексической системы, прибегая к следующей схеме:

1) в рамках раскрытия у слова значений, где между ними выделяется либо связь (полисемия), либо ее отсутствие (паронимия, омонимия).

2) в рамках лексического состава, где выявляются и выделяются различные связи слов с точки зрения семантики (синонимы, антонимы и др.), а также типы отношений между ними.

3) в рамках общей системы языка, где выделяется взаимозависимость грамматических, семантических и фонетических особенностей в структуре слова.

Слово как базовая обособленная единица коммуникации представляет собой основную единицу строения лексико-семантической системы, находясь на всех уровнях системы в качестве элемента значения, семы, минимальной, предельной единицы плана содержания [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 437]. Лексико-семантическая система своим названием показывает, что в ней заключены два аспекта – лексический, при котором предельной единицей выступает слово, и семантический, где эту роль выполняет лексико-семантический вариант слова. Данная система языка, отсюда, указывает на наличие уровней, которые имеют сходные элементы и выявляют сложность отношений между единицами языка:

- 1) уровень лексико-семантических вариантов;
- 2) уровень полисемантических слов;
- 3) уровень семантических полей.

Благодаря существованию подобной системы в лексике возможно описать словарный состав планомерно через распределение слов с различными значениями, используя для этого тематические или лексические группы, а также семантические поля.

1.2 Семантическое поле как способ описания языковых явлений

Как уже было установлено, использование метода систематизирования при изучении языковой среды представляет собой огромные преимущества в плане упорядочивания языковых единиц и выделения взаимосвязи между ними. В современной лингвистике подход к описанию языковых явлений при помощи различных групп и полей получил довольно широкое распространение. Основной пласт исследований в этой области приходится на таких ученых, как В. Порциг и Й. Трир, который понимает под семантическим полем систему определенного круга понятий. Труды этих исследователей положили начало для изучения множества различных явлений языка, таких как тематические и лексические группирования слов, синтаксические поля, изучавшиеся Порцигом и Вейсгербером, парадигматические поля, изучавшиеся такими исследователями, как Гуденаф, Косериу, грамматико-лексические и функционально-грамматические поля и другие виды группирований [Щур 1974: 34].

В наше время при рассмотрении лингвистической науки большое внимание в плане исследований уделяется не только отдельно взятым полям, но и полевому характеру языка как таковому. Благодаря проводимым исследованиям наблюдается большой успех в развитии семантической модели языка, выраженной в многоуровневом характере полей, которые рассматриваются в совокупности и пересекаются между собой во многих аспектах, образуя периферию [Вендина 2005: 165].

При изучении единиц языка, концепция поля может помочь в нахождении ответов на множество вопросов, которые могут быть неразрешимы при использовании обычной уровневой концепции. Используя концепцию поля, можно не только найти объяснение многим факторам языковой среды, но и найти ему применение в качестве общего приема анализа языковых явлений, категорий, а также лексических значений слов.

Концепция поля в лингвистике была рассмотрена многими учеными, в результате чего были выделены следующие факторы, демонстрирующие главные особенности данной концепции в языке:

- Поле представлено в виде набора связанных между собой элементов, которые имеют семантическую общность и одну и ту же функцию.
- Поле может быть образовано из микрополей и может объединять как элементы одного рода, так и разного.
- Главным элементом поля является ядро, которое является обязательным элементом любого поля, и вокруг которого выстроены дополнительные элементы поля.
- При организации системы поля по вертикали располагаются микрополя, а по горизонтали рассматриваются связи между ними.
- Элементы какого-либо поля могут принадлежать ядру этого поля, а также находится на периферии другого [Щур 1974: 56].

Описание явлений языка при помощи подхода, использующего поле, таким образом, обладает обширным набором полезных функций, необходимых в рамках исследования тех или иных языковых явлений. Будучи разработанной первоначально лишь применительно к лексике, полевая концепция была утверждена в качестве общего принципа организации языка. Выделяя в языке системность, данный подход позволяет упорядочить большое количество информации и разделить ее на более мелкие группы, что может помочь решить множество комплексных вопросов в лингвистике на современном этапе ее развития.

1.2.1 Понятие термина «лексико-семантическое поле»

Современные лингвистические учения видят язык как систему, при помощи которой было бы возможно создать особые методы, позволяющие описать лексические значения в рамках лексической семантики. Одним из таких методов можно назвать лексико-семантическое поле.

Большой вклад в развитие семантических полей внес немецкий лингвист Л. Вейсгербер, рассматривая поле как систему, в которой возможно выделять отдельные части. Исследуя значения слов, ученые так же не обходят стороной и словесные поля [Кезина 2004: 59].

Дальнейшее изучение лингвистических полей продолжили немецкие лингвисты В. Порциг и Г. Ипсен, которые ввели понятие «семантическое поле» в первой половине XX-го века [Кронгауз 2001: 147]. Анализируя связи в лингвистике, которые представляют собой неотъемлемую часть системы, Порциг уделяет большое внимание им и связям, возникающим между различными типами групп, такими как синтаксические, грамматические и семантические группы слов.

Из-за того, что семантическое поле как система появилась не сразу, было невозможно разрешить определенные семасиологические задачи, возникшие на ранних этапах формирования данной системы. Развиваясь на протяжении многих лет, семантическое поле претерпело большие изменения, начиная с концептуальных полей Й. Трира и формируя, в дальнейшем, целую систему полей различного типа.

Под термином «семантическое поле» понимается совокупность слов, которые объединены общим содержанием [Кронгауз 2001: 147]. Опираясь на точку зрения Т.И. Вендиной, можно охарактеризовать поле, как совокупность элементов языка, которые объединены общим значением и обладают понятийным и функциональным сходством явлений, которые они призваны обозначить [Вендина 2005: 216]. В данном поле элементы, которые его составляют, обладают однородностью. Поэтому, основными конститuentами такого поля можно назвать лексико-семантические слова, обладающие

множественными вариантами, а также слова, обладающие лишь одним вариантом значения. Неоднородные в плане понятийной категории варианты какого-либо слова обычно находятся в различных полевых структурах.

В.И. Кодухов также рассматривает язык при помощи системы, отмечая внутреннюю связь элементов, которые ее составляют. Он утверждает, что системный характер языка заключается в обнаружении взаимосвязанного функционирования элементов [Кезина 2004: 79].

Изучая подвид лексико-семантического поля, а именно лексико-семантическую группу, которая является более узконаправленным способом организации лексики, Ф.П. Филин предпринял попытку рассмотрения других способов словарных группирований для определения особенностей ЛСГ. Такая группа со всеми своими вариациями представляет собой разновидность парадигматического поля, которое чаще всего становится предметом исследования лингвистической науки [Кезина 2004: 83].

Среди различных вариаций поля существуют также такие поля, как комплексные и синтагматические. Первые включают в себя классы слов, отношения которых возникают на основе парадигматики и синтагматики; они могут включать в себя слова, принадлежащие разным частям речи. Вторые поля раскрывают реальные словарные группирования, внутренние элементы которых тесно связаны друг с другом [Ивлева 1998: 97].

Как любая другая система, семантическое поле обладает собственной структурой. Впервые о структурном направлении говорил еще Ф. де Соссюр, раскрывая взаимосвязь внутренних элементов системы. Структура каждой системы, независимо от ее типа, предполагает наличие составляющих ее единиц, которые взаимосвязаны внутренними отношениями, и этот факт обуславливает различие каждой из существующих систем [Вендина 2005: 260].

Структура семантического поля определена двумя главными составляющими. Каждое поле содержит в себе, прежде всего, ядро этого поля, которое представляет собой главную единицу, соединяющуюся с прочими элементами этой системы внутренними отношениями. Вторым важным

элементом поля является периферия, в состав которой входят единицы, способные относиться к разным частям поля ввиду составляющих эти единицы значений, которые обусловлены в определенных контекстах [Денисенко 2002: 35]. Из этого следует, что определенные элементы поля могут принадлежать сразу нескольким полям [Вендина 2005: 206].

Ядро поля содержит в себе наиболее часто употребляемое значение для всех входящих в структуру поля элементов. Ядро должно быть стилистически нейтральным словом, которое в общем плане отражает смысл всех остальных элементов, и, в некоторых контекстах, может стать им заменой [Бабайцева 2000: 78].

В структуре поля наблюдается связь между ядром и периферией. В частности, связь этих двух элементов является не однородной, а ослабляется или усиливается по мере отдаления от ядра. В связи с этим, можно выделить несколько зон периферии, а именно: зону около ядра, ближнюю зону, дальнюю зону и самую дальнюю, находящуюся на краю поля. Лексические единицы, находящиеся в зоне периферии, исследовать и классифицировать сложнее всего из-за их многозначной или экспрессивной составляющей их значений [Алефиренко 2005: 83].

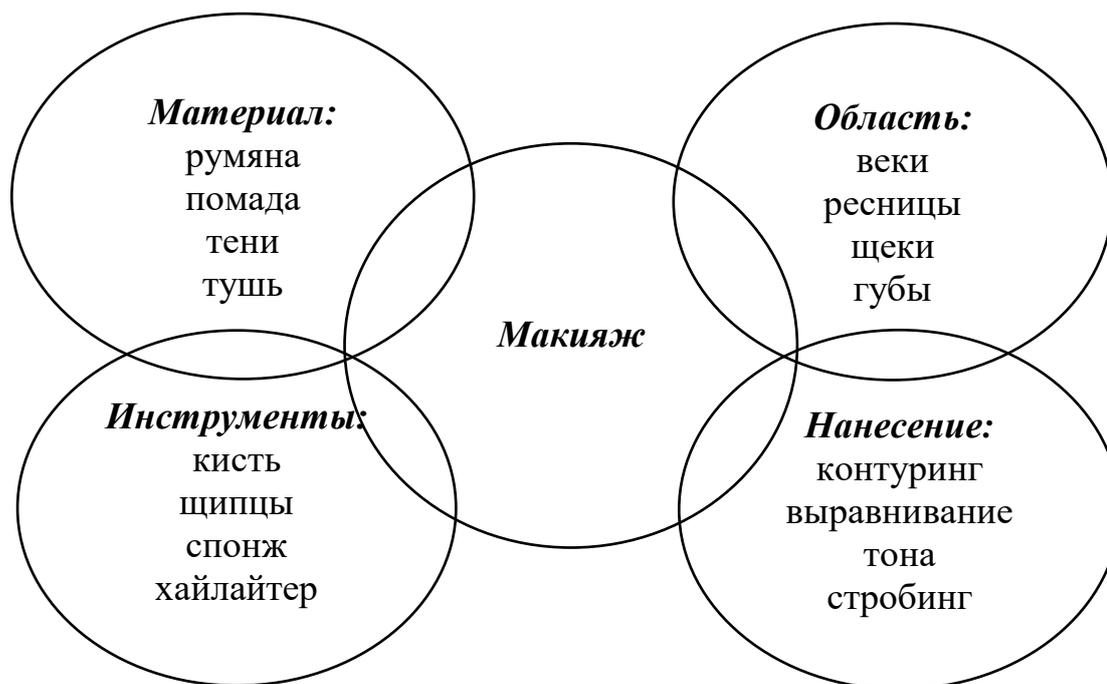
Структура поля подразумевает особый вид организации ее внутренних элементов, которые расположены как горизонтально, так и вертикально. По вертикали располагаются отдельные словесные образования, когда как горизонталь включает в себя взаимоотношения между этими образованиями [Алефиренко 2005: 94]. Подобная иерархическая структура поля исходит из того, что оно не является однородным и может разделяться на несколько различных образований, которые имеют как схожее значение, так и их различные вариации [Щур 1974: 29].

Семантическое поле включает в себя такие важные понятия, как интегральный и дифференциальный признаки. Поле подразумевает под собой совокупность лексических единиц, объединенных одним общим значением, и это значения является интегральным для всего поля. Однако отдельные слова

поля могут обладать обособленными смыслами, которые выражены в дифференциальных признаках, позволяющих провести между этими словами различие [Кронгауз 2001: 160].

Представим лексико-семантическое поле на примере ЛСП «макияж» в схеме 1:

Схема 1. Лексико-семантическое поле «макияж»

Как видно из данной схемы, ЛСП «макияж» состоит из нескольких микрополей, которые соединяются значением с ядром этого поля, включают в себя определенные лексические единицы, а также создают зону периферии между собой.

Таким образом, лексико-семантическое поле представляет собой систему организации лексических единиц, которые связаны определённым общим значением. В структуре поля выделяют самую главную его часть – ядро, которое обладает общим значением для всех остальных входящих в поле элементов, а также периферию, на которой расположены единицы, принадлежащие сразу нескольким внутренним микрополям. Также, в поле выделяется вертикальная организация, на которой расположены входящие в одно поле различные микрополя, и горизонтальная, на которой возникают отношения между этими полями.

1.2.2 Понятие термина «лексико-семантическая группа»

В ходе изучения системного характера языка обнаруживаются разные попытки группирования различных типов лексики. Необходимость разграничения определенных лексических единиц в зависимости от их типа исходит из их разнообразных вариаций. В таком случае, такие обширные группирования, как семантическое поле, могут показаться нецелесообразными в плане четкого разграничения и более узкого подхода к отбору лексики. Для решения подобных проблем, исследователи выделяют в системной иерархии языка такой термин, как лексико-семантическая группа (ЛСГ), представляющая из себя совокупность лексических единиц, принадлежащих одной части речи и обладающих определенным общим семантическим компонентом или уточняющим элементом, характеризующиеся полисемией, а также сходными функциями [Виноградов 2007: 148].

Впервые введенный В.В Виноградовым, в современных лингвистических учениях данный термин зарекомендовал себя как весьма продуктивный способ организации лексики, что прослеживается в трудах многих ученых, успешно исследовавших различные группы слов, в особенности глагольных групп [Филин 2003: 229].

Ф. П. Филин, исследуя природу и структуру ЛСГ, утверждает, что основой каждой такой группы является совокупность лексических единиц, которая охарактеризована постоянными изменениями [Филин 2003: 205]. Исходя из этого, лексико-семантические группы представляют собой изменяющийся в ходе истории элемент в структуре языка [Филин 2003: 208].

Рассматривая функционирование лексико-семантических групп в плане упорядочивания лексики, некоторые исследователи, такие как Э. В. Кузнецова, указывают на то, что разграничение лексики в рамках ЛСГ не является четко выраженным, так как лексика, включенная в разные группы, часто пересекается между собой, образуя периферию, что передает явную системность языка [Кузнецова 2009: 35].

Каждая лексико-семантическая группа представлена совокупностью слов, которая в своем центре содержит самый важный элемент – базовое слово или базовый идентификатор.

Базовое слово представляет собой центр каждой лексико-семантической группы и является показателем ее тематики. Соотносясь с каждой лексической единицей группы в том или ином значении, базовое слово выступает в качестве главенствующего элемента группы, которое обладает определенными свойствами. Базовое слово, представляя из себя стилистически нейтральную и наиболее часто употребляемую лексическую единицу одной конкретно взятой группы, в сочетании с определённой уточняющей значение лексикой, таким образом, может выступать в любом контексте, заменяя собой остальную лексику группы [Филин 2003: 210].

Базовое слово каждой конкретной лексической группы включает в себя сему, которая характеризует каждую единицу структуры данной группы. Базовое слово также называют базовым идентификатором группы. Для каждого такого слова характерна простота в плане морфемного состава и соотнесенность с каждой связанной с ней в рамках группы лексической единицей. Базовое слово также не должно быть недавним заимствованием и должно отражать определенный психологический аспект в сознании говорящего [Филин 2003: 214].

Обычно в качестве описания тематики какой-либо лексико-семантической группы используется только одна лексическая единица, которая должна быть охарактеризована наибольшей частотностью употребления, что указывает на прямую связь данной лексической единицы с ее обобщенным значением. Однако, в ряде случаев, в качестве базовой единицы, обобщенно представляющей основную тематику группы, может использоваться синонимический ряд слов, который обладает такими же характеристиками, как и базовое слово. Изучая структурные особенности лексико-семантических групп, можно отметить, что структурированные компоненты в их составе пребывают в постоянном изменении, что влияет на все элементы и уровни

данной группы, затрагивая даже базовое слово как основной элемент данной системы.

В ходе использования лексико-семантической группы как способа организации, связанной одной тематикой лексики, большую важность представляет сочетаемость внутренних единиц лексики в лексическом и синтаксическом аспектах языка, образуя для каждой группы модель этой сочетаемости.

В ходе исследования лексических групп, Филин выделяет общие закономерности, присущие каждой ЛСГ [Филин 2003: 303].

1. Основная особенность лексико-семантической группы состоит в том, что каждая ЛСГ обладает определенной семантической основой, которая выражена единой интегральной схемой, обуславливающей значение данной группы. В иерархической структуре лексического значения данная сема занимает главенствующую позицию, когда как существующие в рамках той же ЛСГ однотипные дифференцирующие семы служат для уточнения главенствующей [Васильев 1990: 175]. В данном рассмотрении, сема – это минимальная единица плана содержания [Кузнецова 2009: 48]. Рассматривая понятие «сема», можно выделить два подразделения – это основные семы и второстепенные. Если основная сема представляет собой ядро ЛСГ, то второстепенные служат для образования и уточнения периферии.

2. Как отмечает Кузнецова, в рамках одной лексико-семантической группы может наблюдаться однородность лексических единиц, которая возникает в ходе их вариативных соотношений на уровне вторичных связей.

То, что у сходных по значениям слов группы возникают последующие вторичные значения, указывает на феномен постоянной полисемии, которая подразумевает наличие постоянной синонимичности слов одной лексико-семантической группы [Кузнецова 2009: 57].

3. В пределах каждой ЛСГ наблюдается наличие однотипных сем, из-за чего можно утверждать о существовании определённой последовательности их позиционирования в группе. Исходя из структурной сущности формирования

позиций сем, становится очевидным наличие связи данных сем с одной базовой единицей, то есть с ядром группы.

4. Как отмечает Васильев, сходная соотнесенность слов в рамках одной лексико-семантической группы указывает на их однотипность в плане синтагматики. Функционируя в составе предложений, значение слов определяется наличием общих семантических компонентов в их содержании [Васильев 1990: 160].

Рассмотрение функционирования лексико-семантических групп в рамках разных контекстов служит подспорьем для расширения границ системы языка в лексическом плане. Разные источники указывают на разную соотнесенность смысловых связей между рассматриваемой лексикой конкретной группы, позволяя исследовать различные вариации их функционирования. В рамках исследования художественной литературы, компоненты какой-либо лексической группы раскрывают те или иные значения, которые зависят от определенных контекстуальных особенностей текста. Поэтому, рассмотрение лексики художественных текстов позволяет глубже раскрыть связи между различными единицами одной системы [Филин 2003: 155].

Лексико-семантическая группа выступает в качестве образца системного подхода к языку. Обладая четко определенной структурой, такая группа выделяет в себе ядро, которое представлено базовой единицей, связанной с остальными элементами смысловой соотнесенностью и являющей собой стилистически нейтральное слово, которое выделяет общее значение группы, и периферийную область группы, которая определена лексическими единицами, обладающими значением, которое может входить сразу в несколько внутренних подгрупп в зависимости от обстоятельств.

Также следует отметить возможность лексико-семантической группы объединять различные типы лексики в зависимости от типов связи между ними: объединение может происходить по принципу сходности, противопоставления и многозначности тех или иных входящих в конкретную группу элементов.

Рассматривая системность лексико-семантической группы и других элементов полевого изучения языка, можно выделить такое понятие, как лексико-тематическая группа.

Исследуя лексико-семантическую группу, многие ученые проводят параллели между данным значением и лексико-тематической группой слов. Среди таких исследователей находится Ф. П. Филин, который в своих работах рассматривает оба этих понятия, не указывая, при этом, на конкретные различия между ними. Согласно его мнению, данные словарные объединения группируют лексику в зависимости от определенных признаков. Лексико-семантические группы, как правило, характеризуются более узкой структурой, тогда как тематические группы могут включать в себя лексические подгруппы, которые близко соотносятся по значению [Филин 2003: 157]. Это означает, что тематическая группа обладает более широким спектром способов группирования лексики, но имеют похожую структуру с группой лексической.

Основное отличие между двумя данными понятиями лежит в различности отношений, характеризующих эти группы. Элементы, входящие в лексико-семантическую группу, обычно связаны между собой, и дальнейшее их дробление без разрушения смысловых отношений между ними не представляется возможным, поэтому данные элементы, как правило, рассматриваются в совокупности. В тематической группе, которая представляется как более широкое объединение лексических единиц, возможно сгруппировать отдельные единицы в зависимости от определенной выбранной классификации, не изменяя при этом никаких отношений [Филин 2003: 168].

Таким образом, рассматривая способы упорядочивания лексических единиц в более узком значении, лексико-семантическая группа является целесообразным способом группирования слов в рамках более глубокого анализа лексического материала языка.

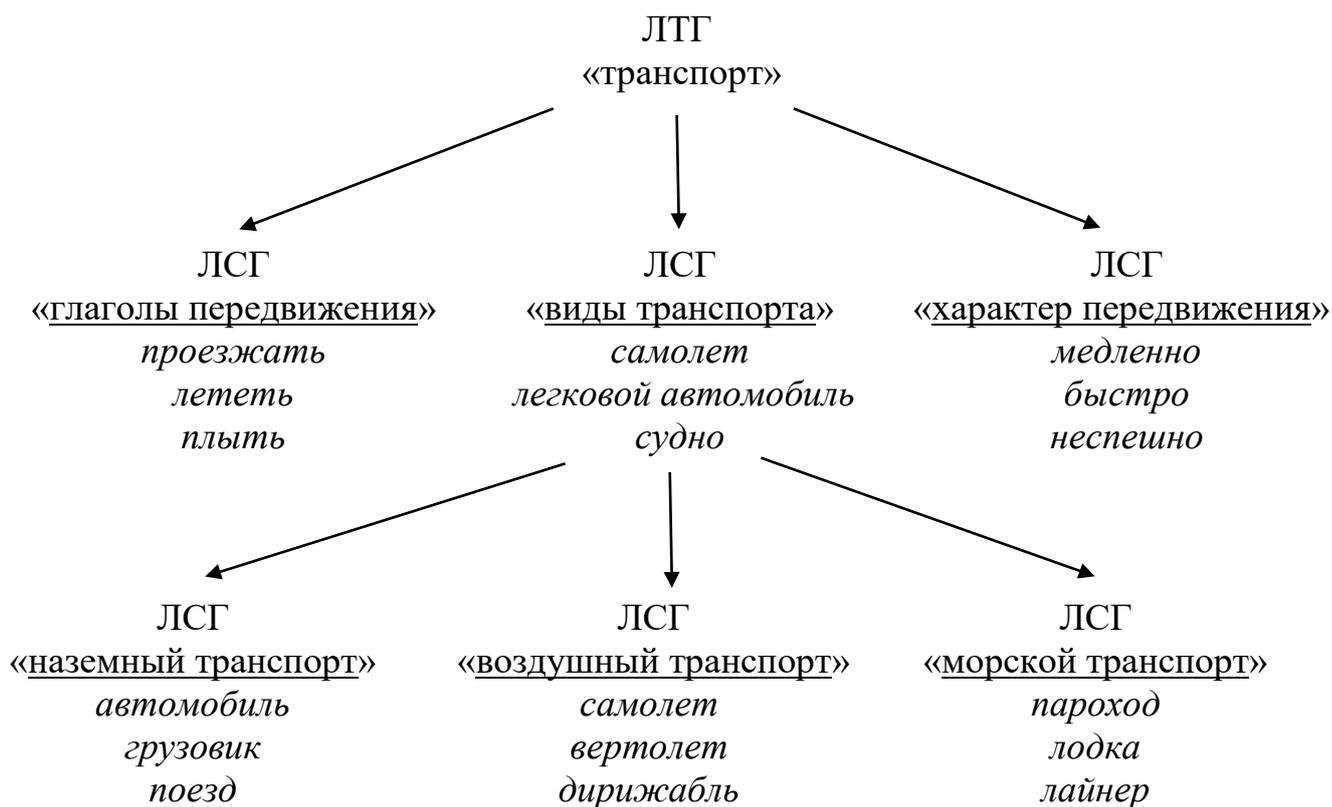
1.2.3 Понятие термина «лексико-тематическая группа»

Системный характер языка насчитывает множество способов объединения лексики, которые группируют языковые единицы с учетом разных целей. Поэтому, немаловажно помимо семантических полей и лексико-семантических групп слов выделить так называемые лексико-тематические группы.

Лексико-тематическая группа (тематическая группа, ЛТГ) также, как и семантическое поле или лексико-семантическая группа, представляет собой систему организации лексических единиц, которые объединены одной главной семьей, а также общей тематикой этих лексических единиц [Филин 2003: 200]. В отличие от лексико-семантической группы, группа тематическая представляет собой объединение лексики в более широком смысле слова, так как в ней лексемы объединяются и по парадигматике, и по синтагматике. Это означает, что в тематических группах могут присутствовать слова разных частей речи.

Рассмотрим ТГ «транспорт», в которую входят такие элементы, как: *перевозить, автомобиль, самолет, трансфер* и другие. Данная тематическая группа может разделяться на такие лексико-семантические группы, как «глаголы передвижения»: «характер передвижения»; «виды транспорта», которая может в дальнейшем разделиться на подгруппы, такие как «наземный транспорт», «воздушный транспорт», «морской транспорт». Данные представлены в схеме 2:

Схема 2. Лексико-тематическая группа «транспорт»

Исследуя лексико-тематическую группу можно заметить, что ее структура схожа со структурой семантического поля. Если между лексико-семантической и тематической группами различие состоит в том, что ЛСГ является более узконаправленной, то различия между полем и ТГ являются не столь явными, и иногда эти термины даже являются синонимичными. Однако, рассматривая глубже эти два понятия, можно провести между ними определенную черту: тематическая группа является предметно-логической категорией, а семантическое поле, в свою очередь, категорией понятийной. Это означает, что поле используется, в большей степени, для выявления отношений элементов, которые его составляют, содержа в себе множество других полей и групп, в то время как тематическая группа, как и лексико-семантическая, направлена на организацию лексических элементов [Филин 2003: 205].

1.3 Особенности художественного перевода

Язык является незаменимым средством общения, при помощи которого осуществляется непосредственный обмен информацией между людьми. При помощи языка мы выражаем наши мысли, чувства, идеи и эмоции. Чаще всего, обмен информацией происходит на одном конкретном языке, и в этом случае нет проблем с пониманием поступающей информации. Однако, в связи с тем, что в мире существует большое количество языков и народов, при коммуникации между людьми, говорящими на разных языках, прибегают к переводу как к необходимому обществу процессу передачи какой-либо информации, выраженной на одном языке, при помощи аналогичной информации на другом языке [Виноградов 2007: 26]. Часто перевод рассматривается как замена одного языка другим, однако в процессе такой замены происходит столкновение многих факторов языка, таких как различные культурные реалии, грамматические и лексические особенности разных языков, традиции, обычаи.

Существуют различные направления перевода, которые зависят от типа текста или цели, которую они преследуют. Одним из самых интересных и важных типов перевода является перевод художественных текстов, который обладает своими особенностями и ставит перед переводчиком определенные проблемы. Трудности и пути развития художественного перевода по сей день остаются актуальными ввиду определенных сложностей, которые возникают в процессе его осуществления, а также из-за постоянно меняющейся языковой составляющей. К сложностям, которые возникают в процессе перевода художественного текста, можно отнести перевод культурных особенностей того или иного языка, передачу фигур речи, которые присущи каждому языку, перевод юмора или игры слов. При переводе часто исчезают или изменяются определенные особенности персонажей, такие как поведение, манера речи. К сожалению, подобные трудности не всегда удается преодолеть. Дословный перевод в этом случае невозможен, так как он приводит к потере всех элементов оригинального текста, которые отражают замысел автора.

На протяжении всей истории своего развития художественный перевод всегда требовал от переводчика определенных умений и таланта. Поэтому главной целью при его осуществлении является передача замысла, стилистических особенностей автора, для чего от переводчика требуется уделить произведению и его особенностям большое внимание, а также тщательно проанализировать оригинальный текст.

В ходе развития теории перевода на современном этапе художественный перевод рассматривался многими известными учеными в этой области, к которым можно отнести отечественных исследователей Я. И. Рецкера, В.Н. Комиссарова, Л.С. Бархударова, а также зарубежных исследователей, среди которых К. Райс и Х. Вермеер, Ю. Найда, Дж. Кэтфорд и другие. Рассматривая проблематику перевода, исследователи искали способы и критерии, при помощи которых можно было бы оценить верность того или иного перевода. Для достижения этой цели, в теории перевода рассматриваются такие понятия, как адекватность и эквивалентность перевода.

Понятие адекватного перевода в ходе развития современного переводоведения стало одним из важнейших в этой области. В широком понимании адекватность перевода – это высокая степень соответствия элементов оригинального текста и текста перевода. Подходы к этому понятию разнятся. Так, Я.И. Рецкер считает, что адекватный перевод – это не полное соответствие перевода оригинальному тексту, но максимальное к нему приближение, при котором достигается та или иная цель [Рецкер 2007: 12].

Понятие адекватности также часто рассматривают вместе с понятием эквивалентного перевода. Данные понятия являются одними из самых важных в теории перевода. Многие зарубежные исследователи считают их синонимичными, однако некоторые ученые проводят грань между этими понятиями. Л.С. Бархударов считает эквивалентность семантической категорией, которая находит свое отражение в совпадении оригинального текста и переводного по смысловому значению [Бархударов 1975: 145]. В.Н. Комиссаров утверждает, что понятия «адекватности» и «эквивалентности»

близко коррелируют друг с другом, однако не могут считаться полными синонимами, а также, что адекватный перевод обладает более широким значением [Комиссаров 1990: 100]. По его словам, адекватный перевод – это такой перевод, который выполняет все смысловые задачи, поставленные оригинальным текстом, на максимальном уровне эквивалентности, где, при этом, не нарушаются стилистические или грамматические особенности языка [Комиссаров 1990: 124]. Разделяя понятия адекватности и эквивалентности, Комиссаров выделяет следующие уровни эквивалентности: эквивалентность на уровне коммуникации; на уровне описания ситуации; на уровне способа описания ситуации; на уровне структурной организации высказывания и на уровне семантики словесных знаков. [Комиссаров 1990: 156].

Понятия «адекватности» и «эквивалентности» используются для оценивания того или иного перевода, однако ставят перед собой разные цели. Если эквивалентность проверяет текст перевода на соответствие оригинальному тексту, адекватность устанавливает, как текст перевода выполняет коммуникативную функцию. Поэтому эквивалентность нацелена на точный результат, когда как адекватность рассматривает перевод не столь категорично.

Таким образом, современный подход к художественному переводу сводится к наиболее близкому соответствию оригинального и переводного текстов. Данный вид перевода ставит перед переводчиком задачу сохранения изначальной задумки автора. Понятия «адекватность» и «эквивалентность» перевода являются одними из самых важных в теории перевода, так как при помощи них можно установить, насколько перевод какого-либо текста можно назвать точным.

Выводы по первой главе

В данной главе были рассмотрены основные теоретические положения о системном характере языка. Многие исследователи рассматривают язык в качестве системы, которая обладает своими элементами и подсистемами. В лингвистике рассматриваются такие понятия, как лексико-семантическое поле, лексико-семантическая группа и лексико-тематическая группа. Данные словарные образования могут быть использованы в качестве системного группирования лексических единиц по определенным критериям.

Лексико-семантическое поле представляет из себя совокупность лексических единиц, объединенных общим значением. Поле охарактеризовано наличием ядра и периферии. Ядро является главным элементом системы поля, к которому относятся остальные элементы, а зоне периферии принадлежат единицы разных значений. Полевая организация может быть вертикальной и горизонтальной. По вертикали расположены микрополя, а по горизонтали рассматриваются отношения между отдельными элементами.

Более узконаправленными являются лексико-тематическая и лексико-семантическая группы. Тематическая группа иногда используется как синоним семантического поля, однако эти понятия различаются: ЛТГ является предметно-логической категорией и более узко направлена, а семантическое поле – категорией понятийной. В иерархии системы семантического поля наиболее узконаправленной является лексико-семантическая группа, в которой могут присутствовать элементы только одной части речи.

Художественный перевод является одним из самых сложных процессов перевода. Для достижения наиболее удачного перевода необходимо изучать культурные и языковые аспекты оригинального произведения, а также обладать определенным талантом. При помощи адекватности и эквивалентности можно установить, насколько тот или иной перевод может считаться точным.

ГЛАВА 2 Фаунонимическая лексика в составе семантического поля «животное» (animal) в произведении Дж. Барнса «Попугай Флобера» в переводе А. Борисенко, В. Сонькина

2.1 Животный мир как компонент культуры

В ходе осуществления переводческой деятельности переводчики часто сталкиваются с различными трудностями, которые выражены в различиях языка оригинала и перевода. К таким трудностям относятся культурные традиции и обычаи, которые находят свое отражение в языке. Среди наиболее важных особенностей каждого языка является наличие в нем слов, связанных с животным миром. Культурные особенности обозначения животных в том или ином языке могут отличаться от языка к языку, поэтому в переводе важно учитывать эти особенности и осуществлять подходящую переводческую стратегию.

Изучение роли образов животных, их представления и влияния на культуру человека, а также смыслов, вкладываемых в эти образы, и их раскрытие, сможет глубже понять связи между миром человека и миром животного, определить важные составляющие культуры в рамках системы ценностей и рассмотреть процессы культурологической системы [Леви-Стросс 1994: 320].

Человек издревле интересовался миром природы и населяющими его существами, стремясь через призму познания этой неизведанной стороны понять самого себя, свое место в сфере природы и мир в целом. Это понимание берет свое начало с изучения животного и мира, его окружающего. Рассматривая животное как одно из важнейших звеньев в цепи своей жизни, человек придавал животному значение не только в качестве источника пропитания, но и в качестве представления культурного плана. Именно поэтому, человек с незапамятных времен пытался осмыслить животный мир не только для того, чтобы выявить необходимые для своей жизни знания о существах, живущих с ним бок о бок, но и для понятия своего соотношения с ними. Животное, таким образом, нельзя рассматривать только с прагматической стороны – изучение животных образов

может оказать большое влияние на понимание культурного аспекта жизни человека [Леви-Стросс 1994: 338].

За многие сотни лет своей истории человечество накопило целый пласт различной информации о представителях фауны, которая вначале была представлена с точки зрения мифологии и религии. Постепенно, эта информация начала отходить от первоначальной безосновательной составляющей к более научной и подкрепленной фактами. Это привело к накоплению существующей информации о фауне, но, тем не менее, сам образ животного и его связь с человеком были изучены не до конца и вызвали многие дискуссии, в ходе которых исследователи пытались выяснить двойственность между человеком и животным, их общие и различные черты, выстраивая, таким образом, необходимую систему нравственных ценностей и ориентиров. Исходя из подобных рассуждений о месте человека в мире природы, исследователи приходят к проблеме разграничения природы и культуры.

Зарождение культуры человека, как предполагают многие ученые, указывает на отделение человечества от мира природы и животных инстинктов, которые в древности руководили действиями человека, что поспособствовало дальнейшему становлению культуры и осознанию места человека в системе мира [Каган 2003: 38]. Данное становление происходило в течение многих сотен лет, в ходе которых человек, еще не до конца осознавая, что его мир все больше и больше отдаляется от мира природы, продолжал изменять себя и свои жизненные устои, которые, в дальнейшем, сформируют собственную культурную сферу, отличную от древних представлений человека о мировом порядке. Человек начинает устанавливать свои урегулированные правила и законы в противовес неизвестному и непредсказуемому миру природы.

В ходе подобных изменений, человек, хоть и изменившись внутренне, не отказался от своей природной сущности, оставаясь важной частью природы наравне с другими ее представителями. Однако, сама суть образовавшейся человеческой культуры состоит в отделении от природных устоев, противопоставляясь, таким образом, животному существованию. В итоге

человек, отделившись от природной природы и создав свой собственный мир культурных устоев, определяющих его жизнь, постепенно возвращается к миру животных, пытаясь его познать и освоить.

В соотношении мира человека и мира животного можно заметить противоречивость отношений двух этих миров. По утверждению Лотмана, на протяжении всей своей истории человек стремился познать представителей фауны, осознавая, насколько важную роль они играют в его жизни и культуре, когда как само животное на подобный контакт идти не стремилось [Лотман 2000: 35]. В ходе попыток познания животного, человек стремился ставить себя в сравнение с животным для определения границ между человеком и зверем, пытаясь определить свою собственную природу.

На протяжении многих лет взаимодействия с животным миром человек сформировал свое особое видение животного мира, наделив многих животных теми или иными чертами и образами, которые закрепились в его сознании, вытеснив непосредственное восприятие. В ходе этого человек, на основе взаимодействия с животными, создал свои образы, которые были приписаны различным элементам окружающего мира. Отсюда вытекают разнообразные черты характера, приписанные животным: сила, упрямство, хитрость, неуклюжесть – животные обладают этими чертами не потому, что таковыми являются, а потому что человек наделил их этими чертами. Таким образом, непосредственный облик животного постепенно заменялся зооморфным образом, который был наделен человеком особым смыслом и представлением. Человек проецирует на животное собственное представление, порождая иллюзию визуального опыта, замещая действительное восприятие [Махлина 2009: 461]. Шкуратов считает, что в этом плане происходит смещение от впечатлений к символам и аллегориям [Шкуратов 1997: 341]. Гирц, в свою очередь, отмечает, что природа значения образов сформирована мышлением и подлежит постоянным альтерациям [Гирц 2004: 37]. Таким образом, установка наших собственных знаний о животном составляет его репрезентацию.

Хотя чаще всего животный мир определяется человеком как нечто ему противопоставленное, при котором происходит попытка осмысления собственной природы исходя из принципов животного мира, животные образы обладают и многозначностью, включая в себя и другие культурные смыслы, которые как правило не воспринимаются по отдельности, а рассматриваются в совокупности. Поэтому эти смыслы, которые не совпадают по количеству с общепринятыми формами и которые заложены в образы животных, подлежат постоянному изменению и растущей полисемии [Лотман 2000: 200].

Таким образом, изучая природную сферу и ее представителей, человек не только познает животных как равных ему представителей нашей планеты, но и через призму животных образов и репрезентаций раскрывает свою собственную связь с миром и своей природой.

2.2 Основные принципы исследования зоонимической лексики

Лексика, включающая в себя лексические единицы, связанные с животным миром, представляет огромный интерес для лингвистического исследования. Лексико-семантические группы, включающие в себя зоологическую лексику, отличаются уникальностью и богатством своего состава. В течение развития языка лексика претерпевает многие изменения, и это свойство способно помочь исследователям проследить пути развития отдельно взятых языков, а также проявить связи между несколькими языками или диалектами, что может помочь ответить на многие лингвистические вопросы.

С давних времен человечество существовало в тесной связи с другими представителями нашего мира – животными. Состоя в особой связи, человеческое общество и животные оказывали огромное влияние друг на друга, создавая уникальное взаимоотношение, находящее отклик не только в культуре, но и языке многих народов. Изучение лексико-семантических групп, вбирающих в себя зоологическую лексику, выступают в качестве языковой и культурной репрезентации, через призму которой проходит становление культурных и лингвистических установок. Многие исследователи, такие как В.Н. Телия,

указывают, что культура какого-либо народа в той или иной степени тесно связана с животной лексикой, которая представляет собой репрезентацию ее исторического становления [Телия 1996: 313].

Исследуя зоологическую лексику, В.М. Мокиенко указывает на то, что зоонимические компоненты более всего свойственны той или иной нации, используясь одновременно и в конкретных контекстах, и в различных ввиду своей универсальности [Мокиенко 2007: 58].

В ходе истории становления человеческого социума, отношения человека с животным претерпевали многие изменения. Начиная с древнейших времен, когда человек в лице зверя видел противника и средство пропитания, появлялись первые культы, связанные с божественной силой того или иного животного. С течением времени, происходит постепенный уход от поклонения животному к его приручению и одомашниванию. Человек, отделившись от первобытной естественной жизни и создав свой собственный мир, в котором большое значение имеет культура, начинает постигать роль животного в своей жизни, раскрывая через это постижение собственную принадлежность миру природы. В процессе этого постижения человек создает определенные образы животных, которые находят свое отражение в легендах, мифах, а также в обычной речи. Сравнивая себя с представителями мира природы, человек причислял себе определенные черты и пытался объяснить окружающий мир, создавая при этом определенные ассоциации и репрезентации, которые оказали больше влияние на культуру и язык современных народов. В рамках этого, большой важностью обладают зоонимы как номинативные единицы лексики, связанной с животными.

В ходе изучения образов животных, возникших в культуре человека, большой интерес представили используемые в речи родовые номинации представителей животного мира, а также различные фразеологические единицы, использующие зоонимический компонент. Следует заметить, что подобная лексика разнится от народа к народу, указывая на различные характеристики и ассоциации в языке каждого. Подобные различия указывают на тот факт, что

каждый этнос по-разному воспринимает возникшие образы, на которых строится система ценностей и мировоззрение, ему присущее [Куражова 2007: 15]. В этом плане зоонимы представляют собой одновременно часть культуры конкретного народа и часть языковой среды, являясь, таким образом, объектом для исследования с точки зрения лингвистики и культурологии.

Изучение закономерностей влияния лексики, связанной с животным миром, нашло свое отражение в работах многих исследователей, которые подошли к данному размышлению с разных сторон, вводя различные трактовки термина «зооним». Связи с большим количеством исследовательского материала, происходит разобщение подходов к анализу данной лексико-семантической группы. Помимо основного и наиболее часто встречающегося термина «зооним», исследователи выделяют такие понятия, как зоонимный компонент, зоологизм, зооморфизм, зооморф и прочие. Исходя из различных теоретических исследований, необходимо проанализировать многочисленные подходы к данной терминологии, чтобы выявить необходимый подход к изучению проблем, представленных в данной работе.

История термина «зооним» берет свое начало в 60-х годах, встречаясь в научной литературе того времени. Слово «зооним», имея греческие корни, состоит из двух составляющих: слова «животное» и слова «имя». Н.В. Подольская в словаре терминологии предлагает трактовать данный термин в качестве клички, которую человек присваивает конкретному животному [Подольская 1978: 58].

С другой стороны, термин «зооним», наряду с другими терминами, такими как зоонимная или анималистическая лексика, рассматривается другими исследователями, например, О. В. Лавровой, как родовидовых названий, используемых для номинации конкретного животного, например: *кошка – cat* [Лаврова 2009: 121].

Вслед за этой точкой зрения, исследователь И.В. Куражова считает зоонимы ничем иным как обыкновенными словами-обозначениям животного. По ее мнению, подобная лексика в отдельном ее виде или в совокупности

фразеологизмов находится в каждом известном языке, имея, при этом, древнейшую историю развития [Куражова 2007: 3].

Двойственность понимания термина «зооним» находит свое отражение в трактовке данного понятия, предложенной Н.В. Солнцевой, которая видит зооним как лексическую единицу, которая с одной стороны представляет собой непосредственное именование животного, а с другой стороны несет в себе метафорический образ, которые переносятся на человека и придает ему определенные связанные с животным характеристики [Солнцева 2004: 43].

Существуют и другие термины, связанные с лексикой, иллюстрирующей животный мир. Среди них такие варианты, как «зоонимная/зоонимическая лексика или компонент». Как считает исследователь Н.А. Скитина, понятие «зоонимная лексика» идентично зоониму, в значение которого, помимо функции именовании животных, входит и метафоричная составляющая [Скитина 2007: 5]. Многие лингвисты используют понятие «зоонимическая лексика» довольно часто, считая его синонимом к термину «зооним» [Тишкина 2008: 36].

Ввиду наличия большого количества точек зрения, по-разному представляющих данный термин, можно сделать вывод, что термин «зооним» требует дальнейшего и более тщательного рассмотрения и осмысления. Учитывая взаимозаменяемость большинства из представленных терминов, можно предположить, что в результате будущих исследований ученые придут к единогласному решению по трактовке данного термина [Багана, Галиаскарова 2010: 16].

Как показал анализ теоретического материала, мнения исследователей термина «зооним» разнятся. Одни исследователи утверждают, что данный термин применим только к описанию кличек, выдаваемых животным, а другие – к наименованию рода животного. В данной работе мы обратимся к трактовке данного термина, предложенной О.В. Галимовой, которая охарактеризовала зооним как лексико-семантический вариант слова, дающий характеристику названию рода животного и, вместе с тем, метафоричный образ, который используется для характеристики человека [Галимова 2004: 12].

Таким образом, термин «зооним», несмотря на многочисленные подходы исследователей к его трактовке, все еще нуждается в более глубоком анализе. Существует проблема в расхождении мнений по определению данного термина, из чего становится ясной проблема актуальности данного исследования. В данной работе термин зооним рассматривается в его широком понимании как совокупность родовидовых названий, используемых для номинации животного, так и различные метафорические образы, вкладываемые в эти номинации для рассмотрения черт характера человека.

2.3 Понятие терминов «фауноним» и «фаунонимическая лексика»

Язык любого народа отражает его историю и культурное наследие, вбирая в себя различные типы лексики. Одной из самых интересных лексических групп, присутствующих в языке на протяжении многих сотен лет и отражающих явления и объекты природного мира, является группа слов, связанных с животными. Однако, имея в своем составе огромное количество единиц лексики, данная группа нуждается в более глубоком рассмотрении для выявления отдельных составляющих ее элементов. Для этого исследователи выделяют такой термин, как «фауноним».

Занимаясь рассмотрением лингвистических и нелингвистических свойств слов, исследователи попытались создать систему, включающую в себя упорядоченную совокупность лексических единиц, связанных с миром фауны. В этом аспекте главным объектом исследования предстала фаунонимическая лексика, отражающая языковые особенности того или иного народа. Этой проблемой занимались такие исследователи, как Е. А. Красильщик, Е. Н. Фадеева, М. М. Копыленко, которые предприняли попытку организовать систему животной лексики и распределить ее по отдельным группам слов в зависимости от семантических признаков.

Рассматривая лексику, связанную с животными миром, можно понять, насколько огромным предстает данный пласт информации. Однако, даже принимая во внимание многочисленные исследования в этой области, все еще

точно не установлено, какие именно типы лексики должны быть связаны такими понятиями, как «фауноним» и «зооним». В современных исследованиях такая лексика получила название «фаунонимическая лексика».

На современном этапе лингвистической науки термин «фауноним» еще недостаточно закрепился, поэтому стоит отметить, что нет единогласного определения данного термина. Исходя из названия можно предположить, что он так или иначе связан с объектами животного мира, но для более ясного понимания для начала следует изучить историю его возникновения.

Впервые термин «фауноним» встречается в 60-х годах в работе Б.А. Абрамова о семантической избирательности глагола, в которой данный термин определяется как подкласс существительных, которые являются названиями представителей животного мира, и данные существительные относятся к полю, обозначающему фауну [Абрамов 1968: 13].

Этой же точки зрения придерживаются исследователи Е.И. Шендельс и Е.В. Гулыга, рассматривая в своей работе связанные с животным миром глаголы [Гулыга, Шендельс 1969: 56]. Они указывают на связь глаголов, использующихся для определения действия животного, с непосредственной принадлежностью к полю фауны, рассматривая их как единицы данного поля.

Термин «фауноним» встречается также в работе Н.Н. Прокопьевой, где он обозначает непосредственно представителя фауны [Прокопьева 1998: 43].

Рассматривая данный термин, исследователь Фролова предлагает более широкую трактовку. Она утверждает, что под фаунонимами следует понимать единицы лексики, которые прежде всего обозначают объекты и явления животного мира, а также процессы, возникающие в природе. Сюда она также относит черты животных, их поведение и сравнительные характеристики между разными представителями животного мира [Фролова 2003].

Исходя из рассмотренных точек зрения становится ясно, что исследователи еще не пришли к единогласному мнению.

Так как для любого языка и культуры народа характерно иметь в своем составе лексические единицы, обозначающие представителей фауны, следует

отметить их лексическую двойственность. С одной стороны, они предстают в своем первичном значении в качестве слов-номинаций животных, а с другой включают в себя определенные метафорические значения, которые складываются в ходе взаимодействия человека с конкретным животным. Сложность заключается в том, что для каждого народа культурные коннотации, заключенные в образе того или иного зверя, представляют собой разные отражения, поэтому, для более полного понимания данной терминологии следует более детально изучать культурную специфику отдельно взятого народа [Фролова 2003: 67].

В отличие от термина «зооним», термин «фауноним» не столь широко популярен среди исследователей в данной области. Ю. Г. Юсифов утверждает, что изучение зоонимической лексики необходимо для понимания культурных особенностей и определения словообразования в языке какого-либо народа, что можно связать с устоявшимися культурными традициями и обычаями. Исследователь также указывает на двойственность данного термина, в котором сочетаются родовидовая номинация и использование в качестве указания на кличку животного, что позволяет рассматривать этот термин с точки зрения как лексикологии, так и ономастиологии [Юсифов 1985: 78].

По мнению исследователя В.В. Морковкина термин «зооним» не совсем соответствует действительности, в которой он используется, что делает его не совсем удачным. Морковкин считает, что данный термин может использоваться для обозначения объектов, которые не являются представителями животного мира, что приводит к неоднозначному пониманию термина. Зооним также может представлять собой вариант многозначного слова или быть его производным вариантом [Галимова 2004: 44].

При рассмотрении терминов «зооним» и «фауноним» следует выделить разницу между ними. В данной работе за основу была взята точка зрения В. Р. Галиаскаровой, которая предприняла попытку провести черту между этими терминами. В своем исследовании она предполагает, что термин «зооним» включает в себя слова, которые являются непосредственными названиями

животных, тогда как термин «фауноним» представляет собой более широкое объединение, которое включает в себя всю лексику, связанную с животным миром, в том числе и слова разных частей речи, в особенности глаголы и сами зоонимы [Галиаскарова 2008: 45].

Рассматривая различные типы фаунонимической лексики стоит отметить существование определенного разграничения в терминологии данной лексической группы. Так, помимо уже вышеупомянутых терминов, связанных с миром фауны, некоторые исследователи, например И.В. Чекулай, отмечают, что представляется возможным выделить отдельные группы представителей животного мира для более узкого рассмотрения. Таким образом, в литературе встречаются такие понятия, как «орнитонимы» (наименование птиц), «ихтионимы» (наименования рыб), «энтонимы» (наименования насекомых) и др. [Чекулай, Прохорова 2016: 163]. В данной работе, однако, подобное разграничение происходить не будет, в результате чего вся фаунонимическая лексика будет рассматриваться в совокупности.

Человечество на всех этапах своего развития придавало большую важность роли животных. Мир человека и животного находился в постоянной связи. Люди, наблюдая за поведением животных, отождествляли их с определенными характеристиками, которые, в последствии, использовались для познания своего собственного «я». Даже с изменением в течение времени взаимоотношений между двумя этими мирами, слова, используемые человеком для описания явлений природы, не утратили своей силы и значимости.

В современных лингвистических учениях изучение фаунонимической лексики набирает большую популярность ввиду ее соотнесенности к двум наукам – лингвистике и культурологии. При помощи исследования данного пласта лексики возможно будет изучить картину мира того или иного народа [Куражова 2007: 36].

Таким образом, в рамках данного исследования было установлено, что фаунонимическая лексика вбирает в себя огромный пласт информации, связанной с миром природы.

2.4 Семантическое поле «животное» (animal) в произведении Дж. Барнса «Попугай Флобера» в переводе А. Борисенко, В. Сонькина

В изучении фаунонимической лексики большую роль играет не только научная, научно-популярная литература, но и художественные произведения, которые вбирают в себя большое количество данной лексики, раскрывая через нее определенные черты взаимодействия человека с миром природы. Поэтому, рассмотрение данной лексики как в оригинальном произведении, так и в его переводе, способствует ее раскрытию роли в языке и предполагает осуществление новых способов перевода.

Образы животных в литературе – это, своего рода, зеркало человеческой души. Будучи представленными в литературе, эти образы помогают провести параллель между животным миром и миром человека, раскрывая характерные черты обоих этих миров. Человечество через призму ассоциаций с образами животных может глубже познать себя, свою роль в мире и связь с природой, соотнося себя с другими представителями фауны.

Одним из самых интересных писателей современности, в некоторых произведениях которого большую роль играет лексика, связанная с животными, и образы животных, является Джулиан Барнс – британский писатель, работающий в жанре постмодернизма.

За все годы писательской деятельности Барнс опубликовал множество узнаваемых книг, каждая из которых принадлежала разным жанрам, варьируясь от детективов до любовных рассказов. Наряду со всемирным признанием писателя как классика современного постмодернизма, многие исследователи также приписывают Барнсу заслуги по приданию, казалось бы, устаревшему жанру исторического романа новой формы, суть которой заключается в восстановлении «исторической справедливости». Одним из таких произведений и стал роман Барнса в жанре постмодернизма «Попугай Флобера».

Роман «Попугай Флобера» повествует о 60-летнем английском враче Джеффри Брэйтуэйте, который занимается исследованием жизни Гюстава Флобера, французского писателя XIX века. В своих поисках «правды» о жизни

любимого писателя, главный герой приезжает во Францию, где посещает различные места, связанные с именем Флобера, такие как дом, в котором Флобер писал «Простую душу», места, связанные с его личной жизнью, музеи, в которых выставлялось чучело попугая – которое, по заверениям местных работников, послужило для Флобера прототипом попугая Фелисите из «Простой души». Узнав, что чучело попугая выставлялось сразу в двух музеях, Брэйтуэйт решает выяснить, какое из них является «тем самым», все глубже погружаясь в жизнь Флобера, его мысли и взгляд на мир.

Один из самых известных французских прозаиков XIX столетия, работавших в жанре реализма, Гюстав Флобер родился 12 декабря 1821 года на севере Франции в городе Руане в мелкой буржуазной семье хирурга. Вся жизнь французского писателя была наполнена интересными событиями и встречами со многими знаменитыми личностями того времени.

Еще с юных лет, заинтересовавшись писательским ремеслом, Флобер начинает выпускать свой собственный журнал, будучи студентом колледжа. Любовь к литературе осталась с Гюставом на всю жизнь, а различные события в его жизни, такие как первая влюбленность, путешествия, смерти в семье, собственная болезнь – все оказало влияние не только на саму личность писателя, сделав его таким, какой он есть – замкнутым затворником, но и, конечно же, на его литературное творчество.

Личная жизнь Флобера была насыщена различными любовными похождениями. Хотя писатель и никогда не был женат, несколько раз за жизнь он встречал женщин, оставивших сильный отпечаток не только на его жизни, но и творчестве. Неразделенная любовь к Элизе Шлезингер, связь с Гертрудой Колльер и долгий, бурный роман с поэтессой Луизой Коле – все это послужило для писателя основой многих его произведений, таких как «Госпожа Бовари», «Воспитание чувств», «Искушения святого Антония», «Саламбо» и других, учитывая его любовь писать о своем лично пережитом опыте.

Несмотря на успех своих произведений, Флобера сложно было назвать счастливым человеком. К концу своей жизни, так и оставшись затворником,

который все свободное время посвящает литературе, который пережил родных и многих друзей, предательства и расставания, Гюстав Флобер, имея финансовые трудности и различные проблемы со здоровьем, сопровождавшие его на протяжении почти всей его жизни, умирает от инсульта. Тем не менее, память о писателе живет по сей день в его литературном наследии.

Роман Барнса «Попугай Флобера» пытается вновь приоткрыть завесу тайны над жизнью этого знаменитого писателя, предоставляя большое количество информации о его жизни. В романе представлены различные заметки из дневников, записок и писем Флобера, которые понемногу раскрывают характер центрального объекта исследования Брэйтуэйта. Благодаря этим заметкам и непосредственному повествованию главного героя романа, читатель погружается в жизнь писателя, в его мысли, надежды и мечты.

Однако данное произведение является не только отличным образчиком жанра постмодернистской литературы, но также представляет большой интерес и в языковом плане.

Наличие в тексте произведения большого количества деталей из жизни Флобера и описание самого писателя и других личностей как через призму его собственных слов, так и глазами главного героя романа, указывает на возможные способы этого описания при помощи различных стилистических и лексических средств. В рамках данного произведения, большое влияние на построение описаний повлияла, как выяснилось, лексика, связанная с животным миром.

Как уже было установлено, фаунонимическая лексика представляет большой интерес в рамках исследования ее использования в различных видах творчества человека и, в частности, в литературе. Использование образов животных и фаунонимичной лексики для описания черт характера того или иного персонажа часто применяется многими писателями. Анализируя произведения Джулиана Барнса, можно прийти к выводу, что данный писатель также не обделяет свои произведения подобной лексикой, органично связывая ее с ходом повествования.

Проанализировав произведение Джулиана Барнса «Попугай Флобера», даже названием своим указывающее на далеко не последнюю роль животного мира в рамках данного романа, было установлено, что представляется возможным выделение в этом романе всей лексики, связанной с животными, в одно поле.

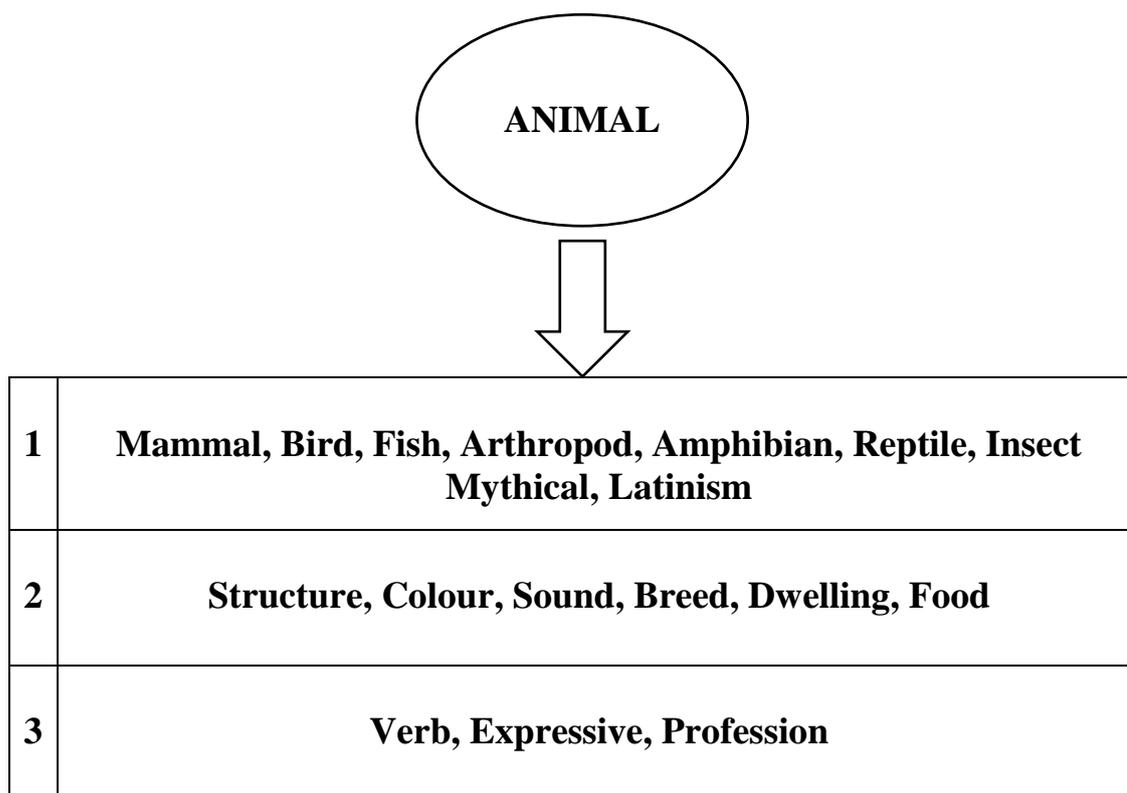
Благодаря проведенному нами анализу всех пятнадцати глав романа, было установлено, что лексико-семантическое поле «животное» было представлено довольно глубоко. Помимо названий животных были встречены слова, описывающие их тип, род и внешний вид, а также термины, непосредственно связанные с животным миром, экспрессивные и переносные выражения и глаголы.

Данное поле слов было составлено исходя из лексического материала оригинального произведения «Попугай Флобера» за авторством Дж. Барнса. При проведении сравнительного анализа функций поля в оригинальном произведении и в его переводе аналогичное поле можно составить по переводу А. Борисенко и В. Сонькина, так как данный перевод достаточно точно передает смысл единиц оригинала за некоторыми исключениями, которые рассмотрены в третьей главе работы.

Данный анализ, хотя и рассматривает все лексические единицы, связанные с миром животных, а также сопутствующую лексику, представляет собой лишь генерализированное рассмотрение основных факторов функционирования данной лексики в художественном произведении и его переводе, которое, все же, может стать подспорьем для более глубоко исследования.

Ядром данного лексико-семантического поля является непосредственно само слово «животное» - «*animal*», будучи общим связующим звеном для всей представленной в данном произведении фаунонимической лексики. Основываясь на данном слове, можно выделить восемнадцать подгрупп, состав каждой из которых определен своими объектами. Представим данное поле схематически в схеме 3:

Схема 3. Лексико-семантическое поле «animal» (животное) в романе «Попугай Флобера»

Как видно из приведенной выше схемы, лексико-семантическое поле «животное», обнаруженное при анализе данного произведения, подразделяется на различные подгруппы, лексический состав которых может варьироваться от существительных, указывающих на непосредственные названия представителей животного вида, строения их тел, родовидовые признаки, или же на терминологию, связанную с животным миром, до лексических единиц, которые представлены различными частями речи или стилистическими особенностями. Также, таблица подразделяется на три уровня, которые расположены в порядке приближенности к базовому слову. Это означает, что к ядру более приближены сначала группы слов, номинирующие животных, затем группы слов, которые описывают их вид, поведение или образ жизни, а в конце идут остальные единицы, связанные с миром животных.

Исходя из необходимости, представляется возможным выделение некоторых подгрупп данного поля в одну обособленную, представляющую собой сами названия животных разных видовых принадлежностей: это такие группы, как «млекопитающее», «птица», «рыба», «рептилия»,

«членистоногое», «амфибия», «насекомое», «латинизм» и «мифическое». Остальные выделенные группы более узко направленные: к ним относятся слова, различающиеся как грамматически, так и лексически. Несмотря на это, многие лексические единицы данных подгрупп пересекаются между собой в том или ином значении.

Помимо иерархического представления подгрупп данного поля, следует выделить его периферию. Наиболее четко выраженную периферию поля можно обнаружить среди групп второго уровня, а именно «строение», «цвет», «звук», «порода», «обитание» и «еда». Лексические единицы данных групп часто соприкасаются с единицами групп первого уровня, поскольку они используются для описания тех или иных видов животных. Также, единицы, входящие в состав группы «экспрессивные» вбирают в себя лексические единицы, присутствующие в других группах поля. Это происходит ввиду различного контекста использования тех или иных названий, к примеру слово *insect* могло быть переведено как *насекомое* и как *букашка* в зависимости от ситуации.

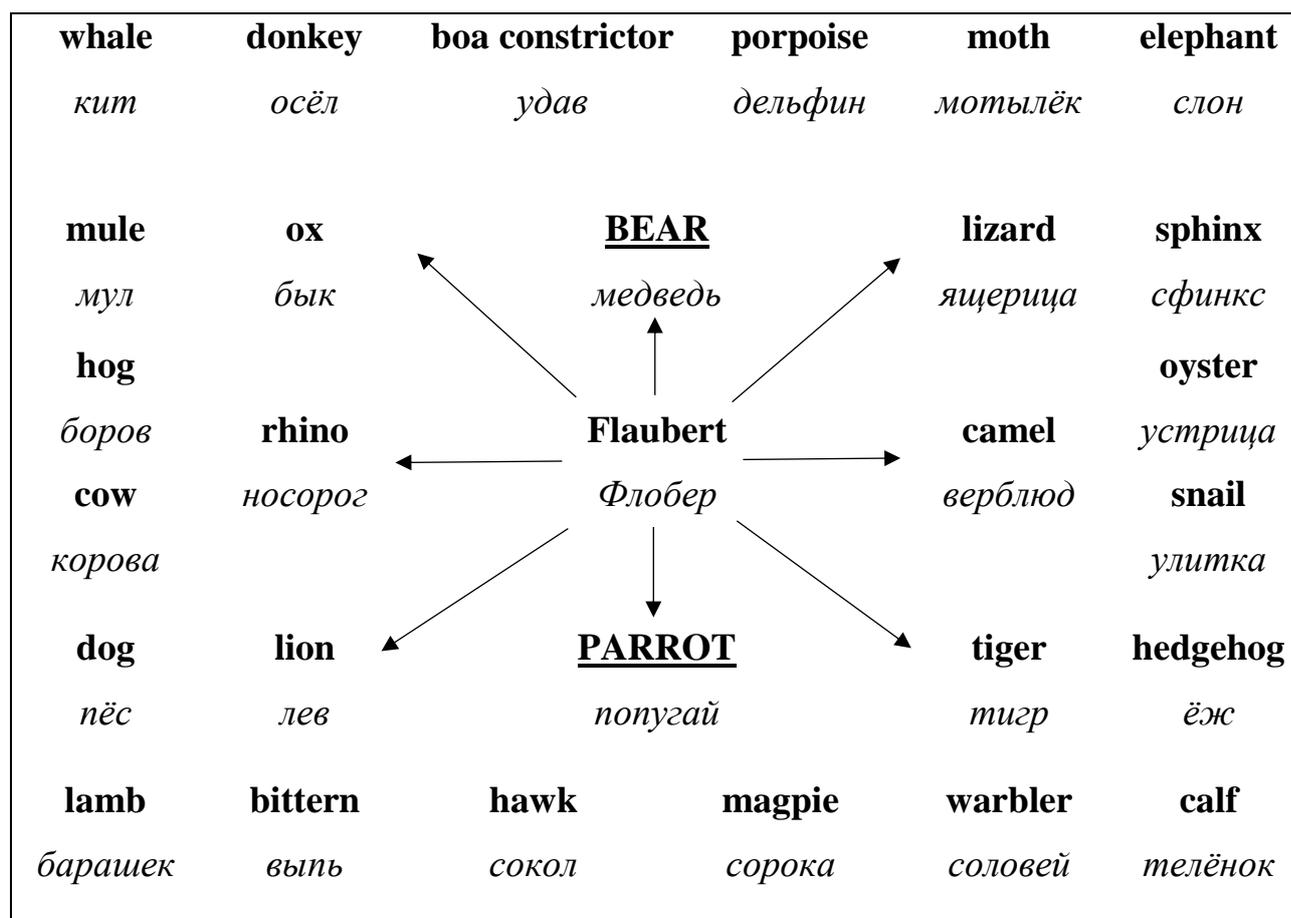
Наличие большого количества фаунонимической лексики в данном произведении можно объяснить тем, что автор, рассматривая различные факты о жизни Флобера, прибегает к использованию конкретных контекстов его писем и дневников, которые являются огромным источником информации о жизни писателя и его характере. В ход идут собственные замечания Флобера о себе и его окружении, в которых были часто использованы различные стилистические средства, среди которых - фаунонимичное сравнение. Во-вторых, стиль самого автора романа, Джулиана Барнса, который, если сослаться на прочие его произведения, такие как «История мира в 10/2 главах», довольно часто использует фаунонимическую лексику для выражения тех или иных метафорических рассуждений, которые грамотно встроены в стиль повествования этого автора.

Роман «Попугай Флобера», описывая жизнь писателя, изобилует различными вставками из личных писем, дневников и произведений Флобера. Барнс, используя данные контексты, описывает жизни и характер писателя: и

самое важное здесь – обилие животных образов в его собственных письмах. С именем самого Флобера, а также некоторых личностей, ему близких, связаны разнообразные сравнительные обороты, использующие лексические единицы, называющие животных, или с ними связанные. Наибольшее количество отсылок с фаунонимической лексикой приписывается самому Флоберу: его характер сравнивался с по меньшей мере тридцатью различными представителями фауны.

Анализ всего произведения определил, что особенную ценность составляет 4 глава романа – «*The Flaubert Bestiary*» – «*Бестиарий Флобера*», в котором представлены небольшие выдержки об определенных животных, которые, по мнению Барнса, связаны с именем французского прозаика. Результаты анализа представлены в схеме 4:

Схема 4. Фаунонимическая лексика, использованная для характеристики Флобера

Из приведенной выше схемы можно увидеть, насколько имя Флобера связано с животными образами. Это происходит из-за того, что автор, выбирая определенные контексты из писем Флобера, специально выделяет в них фаунонимическую лексику для создания своего образа французского писателя. Из сравнения поля оригинального текста и поля перевода становится ясно, что практически каждая их составляющая совпадает в значении.

Во всех главах романа среди прочих особенностей характера писателя, можно выделить несколько основных элементов, которые выражены через фаунонимический оборот. Это исходит из самой природы писателя: ввиду того, что он очень любил путешествовать, Флобер повидал немало мест и представителей фауны, которые могли бы придать ему вдохновения в творчестве. Сон Флобера, описанный в 14 главе, также проливает свет на его отношение к животным:

«<...> *and I woke up... feeling as if I was at one with the animals, and fraternising with them in a tender, pantheistic communion*» [Barns 1984].

«<...> *я проснулся с чувством, что я един с животными и что нас связывает пантеистическое, нежное братство*» [Борисенко, Сонькин 2017].

Для более глубокого рассмотрения связи Флобера с животными и был создан «Бестиарий», в котором сконцентрирован основной пласт фаунонимической лексики романа. Основной фигурой, связанной с животными, конечно является сам Флобер; однако в романе часто были приведены его собственные реплики, где он использовал схожую стратегию описания не только своего характера, но и своих знакомых.

В Бестиарии Барнс описывает Флобера, утверждая, что в молодости он представлял из себя «*cluster of beasts*» - «целый зоопарк». Сравнительные обороты, описывающие Флобера, довольно разнообразны: в них участвует лексика, включающая в себя различные виды животных. Это помогает отразить разносторонность французского прозаика, придавая ему определенные черты характера, такие как сила, упорность, мягкость, одиночество. Рассмотрим, как фаунонимическая лексика функционирует в лексико-семантическом поле

«животное», которое было выделено в данном произведении, на конкретных примерах, которым сопутствуют варианты перевода А. Борисенко и В. Сонькина. К каждому определенному качеству приведены примеры, в которых присутствует животное-образ, олицетворяющее его.

1. Сила. Флобер, будучи по характеру довольно серьезным человеком, часто описывал себя в своих письмах и дневниках при помощи животных образов, связанных с силой и мужеством:

*«I'm like **the tiger**, which has bristles of hair at the end of its cock, with which it lacerates the female» [Barns 1984].*

*«Я – как **тигр**: у них на конце орудия есть склеившиеся волоски, которыми они ранят самку» [Борисенко, Сонькин 2017].*

Таким его описывали и его близкие, например, племянница Каролина:

*«Caroline liked to think, as she lay in her corner, that she was shut in a cage with **some powerful wild animal, a tiger or a lion or a bear**, who had **devoured** his keeper and would **spring upon** anyone else who opened his door, but with whom she was “quite safe and conceited”» [Barns 1984].*

*«Каролина сказала со смешком, что ей нравилось думать, лежа в своем уголке, будто она заперта в клетке с **большим диким зверем, тигром, львом или медведем**, который **сожрал** сторожа и **разорвет** любого, кто откроет клетку, но сама она была с ним в покое и безопасности» [Борисенко, Сонькин 2017].*

«<...> feeling a rare plenitude of strength, he is an «ox, sphinx, bittern, elephant, whale» [Barns 1984].

*«<...> испытывая редкий прилив сил, он – «**бык, сфинкс, выпь, слон, кит**» [Борисенко, Сонькин 2017].*

*<...> hungry to see Ernest Chevalier, he is ‘**a lion, a tiger – a tiger from India, a boa constrictor**’» [Barns 1984].*

*«Гюстав, нетерпеливо ждущий встречи с Эрнестом Шевалье, – «**лев, тигр, индийский тигр, боа-констриктор!**» [Борисенко, Сонькин 2017].*

Помимо с образом самих животных, Флобера иногда описывали, как их повелителя:

«*A phrenologist – that careers master of the nineteenth century – once examined Flaubert and told him **he was cut out to be a tamer of wild beasts***» [Barns 1984].

«*Один френолог – в девятнадцатом веке они занимались профориентацией – как-то раз осмотрел Флобера и сказал, **что он рожден быть укротителем диких зверей***» [Борисенко, Сонькин 2017].

«*At nineteen, he thinks that after he's finished his legal studies he'll go off and become a Turk in Turkey, or a muleteer in Spain, or a cameleer in Egypt*» [Barns 1984].

«*В девятнадцать он думает о том, что по окончании своих юридических штудий отправится турком в Турцию, **погонщиком мулов** в Испанию или **бедуином** в Египет*» [Борисенко, Сонькин 2017].

Сам Брэйтуэйт размышляет о Флобере:

«*On the train, I had been unable to imagine Flaubert (**howling like an impatient dog? grumbling? ardent?**)*» [Barns 1984].

«*В поезде я не мог представить себе Флобера (**воющего, как нетерпеливый пес? ворчащего? страстного?**)*» [Борисенко, Сонькин 2017].

В данных примерах при помощи такой фаунонимической лексики, как *tiger, elephant, ox* и др., Флобер сравнивается с этими животными, и ему приписывается сильный и неистовый характер. В приведенных примерах перевода данные черты характера несут тоже значение и оттенок, что и в оригинале.

2. Упорность. Данное качество, присущее многим обитателям животного мира, также не обошло стороной записки писателя, где он сравнивался со следующими представителями фауны собой или своими знакомыми:

«*<...> he feels as worn out as a donkey <...>*» [Barns 1984].

«*<...> он **вымотался, как осел** <...>*» [Борисенко, Сонькин 2017].

«*He works **like a mule** <...>*» [Barns 1984].

«*Он работает, как мул <...>*» [Борисенко, Сонькин 2017].

«<...> *he lives a life which would kill three rhinos* <...>» [Barns 1984].

«<...> *живет жизнью, которая убила бы трех носорогов* <...>» [Борисенко, Сонькин 2017].

«<...> *he works 'like XV oxen'* <...>» [Barns 1984].

«<...> *работает «как XV быков»* <...>» [Борисенко, Сонькин 2017].

Данные примеры указывают на характерные особенности таких животных, как *donkey, mule, rhino* и *ox*, которые в природе представляют собой упрямых и выносливых существ. Такая характеристика довольно часто используется для описания трудолюбивого и терпеливого человека.

Луиза Коле, от лица которой Барнс описал главу романа «Louise Colet's Version» - «Версия Луизы Коле», пишет об ее страстном романе с Флобером, который продлился многие годы:

«*I was the candle; he was the moth*» [Barns 1984].

«*Я была свечой, он – мотыльком*» [Борисенко, Сонькин 2017].

В данных примерах используется прямой перевод фаунонимических единиц, который также отражает их оригинальное значение.

3. Мягкость. Сильный и упрямый Флобер, тем не менее, иногда предстал в представлении его близких и знакомых, как человек мягкой и трепетной натуры, особенно в моменты утрат. Для придания ему этой черты, в письмах использовались подобные выражения:

«*He becomes as soft and nervous as a cow*» [Barns 1984].

«*Он становится мягок и нежен, как корова*» [Борисенко, Сонькин 2017].

«<...> *yet still he splashes in the Seine like a porpoise*» [Barns 1984].

«<...> *но все же плещется в Сене, как дельфин*» [Борисенко, Сонькин: 2017].

«*I am only a literary lizard basking the day away beneath the great sun of Beauty*» [Barns 1984].

«*Я – литературная ящерица, что греется под солнцем Красоты*» [Борисенко, Сонькин 2017].

*«It was not so, because he behaved in this **strange and bearish** fashion from the very beginning, even when he was most in love with me» [Barns 1984].*

*«Это было не так, поскольку он вел себя с **медвежьей неуклюжестью** с самого начала, даже когда был сильнее всего влюблен в меня» [Борисенко, Сонькин 2017].*

Интересный взгляд на характер Флобера преподносят его письма к Жорж Санд:

*«To George Sand, however, he seems '**gentle as a lamb**' – which he denies – and the pair of them **chatter away like magpies**; ten years later, at her funeral, he **weeps like a calf**. Alone in his study, he finishes the story he wrote especially for her, the story about the **parrot**; he **bellows it out "like a gorilla"**» [Barns 1984].*

*«При этом Жорж Санд кажется, что он **«кроток, как барашек»**, он это отрицает – и они вдвоем **«стрекочут, как сороки»**; десять лет спустя на ее похоронах он плачет, **как теленок**». Уединившись в кабинете, он заканчивает рассказ, который написал специально для нее, рассказ про **попугая**, и при этом **завывает «как горилла»**» [Борисенко, Сонькин 2017].*

В данных примерах перевода также используется прямой перевод, который иногда сопровождается упущением или генерализацией.

4. Одиночество. Одной из самых отличительных черт Флобера является его тяга к затворничеству и одиночеству, начавшаяся из-за болезни в юности, что заставило его часто оставаться в своем доме, и продолжившаяся из-за многих случаев в его жизни, особенно утрат членов семьи. Таким образом, начиная еще с юности, Флобер предстаёт перед нами в следующих образах:

*«<...> **a hedgehog rolling up to protect itself** <...>» [Barns 1984].*

*«<...> **еж, сворачивающийся для самозащиты** <...>» [Борисенко, Сонькин 2017].*

*«He is an **oyster in its shell** <...>» [Barns 1984].*

*«Он – **устрица в своей раковине** <...>» [Борисенко, Сонькин 2017].*

*«<...> **a snail in its shell** <...>» [Barns 1984].*

*«<...> **улитка в своем домике** <...>» [Борисенко, Сонькин 2017].*

«<...> *a warbler with a shrill cry which hides in the depths of the woods and is heard only by itself*» [Barns 1984].

«<...> *звонкий соловей, который прячется в глуши лесов так, что его звуки слышны только ему самому*» [Борисенко, Сонькин 2017].

«*I have always tried to live in an ivory tower, but a tide of shit is beating at its walls, threatening to undermine it*» [Barns 1984].

«*Я всегда пытался жить в башне из слоновой кости, но нечистоты накатывают как прибой и сокрушают ее стены*» [Борисенко, Сонькин 2017].

На более поздних этапах своей жизни, Флобер останавливается на одном образе – образе медведя, который станет его отличительной чертой:

«*I live alone, like a bear*» [Barns 1984].

«*Я живу один, как медведь*» [Борисенко, Сонькин 2017].

«*I am a bear and I want to stay a bear in my den, in my lair, in my skin, in my old bear's skin; I want to live quietly, far away from the bourgeois and the bourgeoises*» [Barns 1984].

«*Я медведь и хочу остаться медведем в своей берлоге, в своем логове, в своей шкуре, в старой медвежьей шкуре – спокойный и далекий от буржуа обоего пола*» [Борисенко, Сонькин 2017].

Данная лексика помогает глубже раскрыть характер писателя, но лучше всего это сделала Луиза:

«*Gustave imagined he was a wild beast – he loved to think of himself as a polar bear, distant, savage and solitary. I went along with this, I even called him a wild buffalo of the American prairie; but perhaps he was really just a parrot*» [Barns 1984].

«*Гюстав представлял себя диким зверем – ему нравилось воображать себя белым медведем, холодным, свирепым, одиноким. Я подыгрывала ему, даже называла его неукротимым бизоном американских прерий, но, может быть, он был всего лишь попугаем*» [Борисенко, Сонькин 2017].

В данных примерах в большинстве случаев используется точный прямой перевод, за исключением моментов, где, во избежание повторения или неловкого

перевода, переводчики прибегли к добавлению синонимов (*shell* – раковина – домик), генерализации (*a warbler with a shrill cry* – звонкий соловей).

Помимо Флобера, фаунонимическая лексика в Бестиарии используется для описания только двух женщин, которые были особенно дороги писателю: его сестры Каролины и возлюбленной Луизы Коле:

«<...> *though he advises Louise Colet to burrow away at her work like a mole*» [Barns 1984].

«<...> *хотя Луизе Коле советует углубиться в работу, подобно кроту*» [Борисенко, Сонькин 2017].

Барнс также пишет от лица Луизы в «Версии Луизы Коле»:

«*You cannot yoke the dragonfly and make it drive the corn-mill*» [Barns 1984].

«*Нельзя надеть ярмо на стрекозу и заставить ее вращать мельницу*» [Борисенко, Сонькин 2017].

В письмах Флобера к сестре Каролине он часто называет ее *rat* – крыса, что идет в разрез с основным представлением этого животного, которое символизирует жадность, агрессию и бедствия:

«*His sister Caroline was the Rat – ‘your dear rat’, ‘your faithful rat’ she signs herself; ‘little rat’, ‘Ah, rat, good rat, old rat’, ‘old rat, naughty old rat, good rat, poor old rat’ he addresses her <...>*» [Barns 1984].

«Его сестра Каролина была **Крыса** – она подписывалась «*твоя дорогая крыса*», «*твоя верная крыса*», «*маленькая крыса*». «*Ах, крыса, добрая моя старая крыса*», «*старая крыса, старая шельма-крыса, добрая моя крыса, бедная моя старая крыса*» обращается он к ней <...>» [Борисенко, Сонькин 2017].

Помимо вышеперечисленных образов, в «Бестиарии» описывается, что Флобер часто примерял на себя образ *верблюда*, что, по мнению Барнса, является «яркой иллюстрацией флоберовского гротеска – он смешон и страшен одновременно». Образ верблюда довольно часто встречается в различных письмах писателя, который, вероятно, был вдохновлен этим животным во время

своих путешествий по Востоку. Для Флобера верблюд – «одно из совершенных созданий природы», признак упорности и неисправимости:

*«I am, in both my physical and my mental activity, like the **dromedary**, which it is very hard to get going and very hard, once it is going, to stop; continuity is what I need, whether of rest or of motion»* [Barns 1984].

*«В своей физической и умственной деятельности я подобен **дромадерам**, которых очень трудно сдвинуть с места и очень трудно остановить; и в покое, и в движении мне нужна непрерывность»* [Борисенко, Сонькин 2017].

Задумываясь о своей жизни, Флобер не брезгует образом *свиньи*:

*«Am I to be a king, or just a **pig**?»* [Barns 1984].

*«Буду ли я царем или **боровом**?»* [Борисенко, Сонькин 2017].

*«Go on, be nothing at all, life urges. Being a **pig** is simple»* [Barns 1984].

*«Давай, будь ничем, понукает жизнь. Проще быть **боровом**»* [Борисенко, Сонькин 2017].

*«Instead he learned that life is not a choice between murdering your way to the throne or slopping back in a sty; that there are **swinish kings** and **regal hogs**; that the king may envy the **pig** <...>»* [Barns 1984].

*«Вместо этого он научился понимать, что жизнь – это не выбор между кровавой стезей к трону и вонючей подстилкой в хлеву, что есть **свиноподобные цари** и **царственные боровы**, что царь может завидовать **хряку** <...>»* [Борисенко, Сонькин 2017].

Сам Флобер, предавая в своих заметках себе или своим знакомым животные черты, часто использовал фаунонимическую лексику для описания других явлений или людей, сравнивая их с различными представителями фауны:

*«Critics are **like fleas**: they love clean linen and adore any form of lace»* [Barns 1984].

*«Критики – как **блохи**: любят поскакать по белому белью и обожают кружева»* [Борисенко, Сонькин 2017].

«*Round and fair in person, her small bones were well-covered, and in her carriage and her general bearing there were **flexible, undulating movements, like those of an eel***» [Barns 1984].

«Ее отличала известная округлость форм, а в походке и в общей повадке сквозили **гибкие, волнообразные движения, подобные извивам угря**» [Борисенко, Сонькин 2017].

«*With me, friendship is **like the camel**: once started, there is no way of stopping it*» [Barns 1984].

«Моя дружба – **как верблюд**. Стоит ей сделать шаг, и ее уже не остановить» [Борисенко, Сонькин 2017].

«*Pride is one thing: **a wild beast** which lives in caves and roams the desert; Vanity, on the other hand, is **a parrot** which hops from branch to branch and chatters away in full view*» [Barns 1984].

«Гордость – **дикий зверь**, который живет в пещерах и пустынях. Тщеславие – наоборот, как **попугай**, прыгает с ветки на ветку и болтает у всех на виду» [Борисенко, Сонькин 2017].

«<...> we are all **caged birds**, and that life weighs the heaviest on those with the largest wings: 'We are all to a greater or lesser degree **eagles or canaries, parrots or vultures**'» [Barns 1984].

«<...> все мы – **птицы в клетке** и что жизнь давит тяжелее всего на тех, у кого крылья больше: «Все мы в той или иной степени **орлы или канарейки, попугаи или коршуны**» [Борисенко, Сонькин 2017].

Флобер даже сравнивал людей с блюдами из животных:

«*People are like food. There are lots of bourgeois who seem to me like **boiled beef**: all steam, no juice, and no taste <...>. Other people are like **white meat, freshwater fish, slender eels from the muddy river-bed, oysters** (of varying degrees of saltiness), **calves' heads**, and sugared porridge*» [Barns 1984].

«Люди похожи на кушанья. Многие буржуа кажутся мне подобными **вареной говядине**: много пара, никакого сока, никакого вкуса. <...> Многие же подобны **крольчатине, речной рыбе, мелким угрям, живущим в иле, устрицам**

разного посола, **телячьим головам** и подслащенной каше» [Борисенко, Сонькин 2017].

Барнс, следуя примеру французского прозаика, иногда помещает в текст романа подобные сравнения:

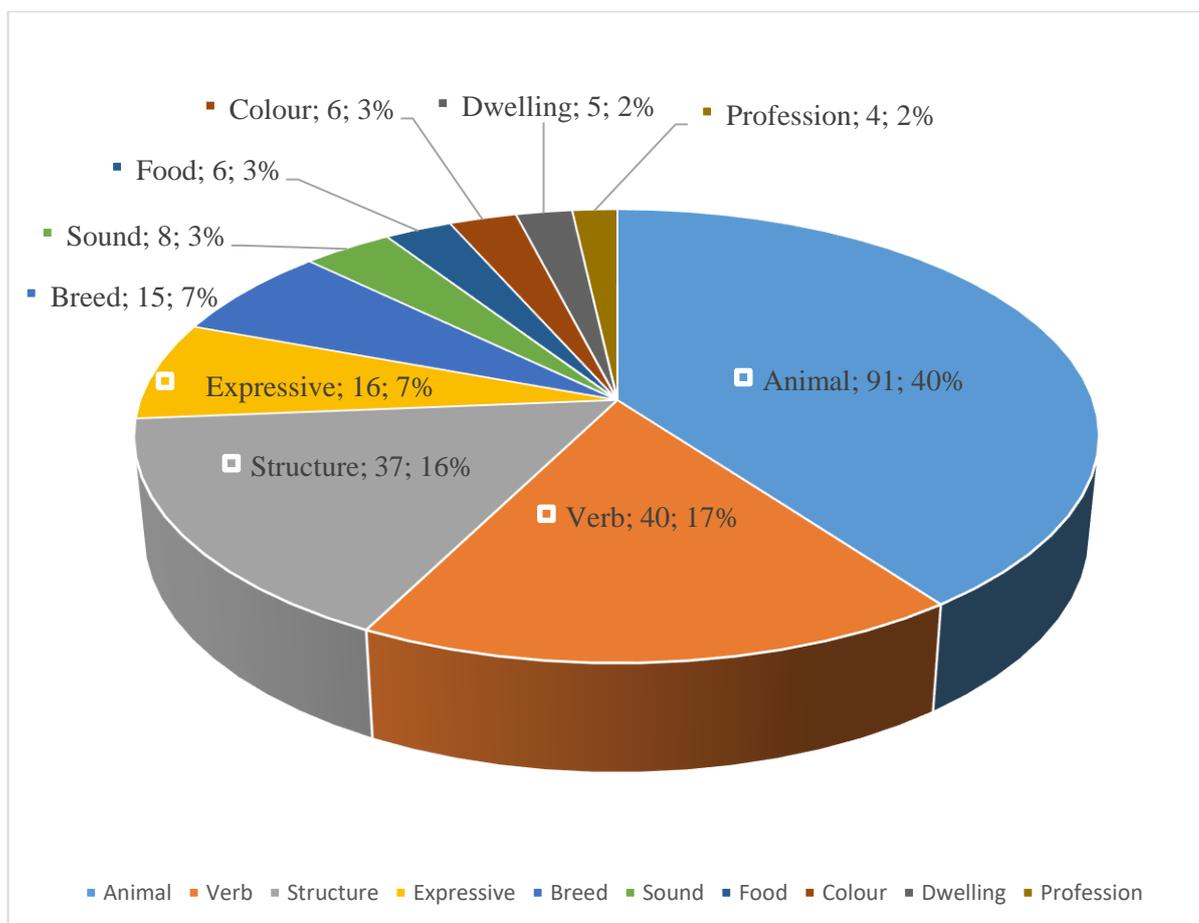
*«There are several more railway journeys in the novel, and the passengers seem happy enough; at least, none of them **howls with boredom like a neglected dog**»* [Barns 1984].

*«В романе есть еще несколько путешествий на поезде, и пассажиры кажутся вполне довольными – по крайней мере, никто не **вояет от скуки, как забытая собака**»* [Борисенко, Сонькин 2017].

Таким образом, благодаря проведенному анализу, мы составили лексико-семантическое поле «животное» на основе текста оригинального произведения, и сравнили его с полем, составленным по тексту перевода. Исходя из сравнения фаунонимов в примерах оригинального текста и в примерах перевода можно установить, что состав поля переводного текста почти полностью отражает значение фаунонимических единиц оригинального поля за редкими исключениями, которые были сделаны для осуществления адекватного перевода данных единиц с английского языка на русский.

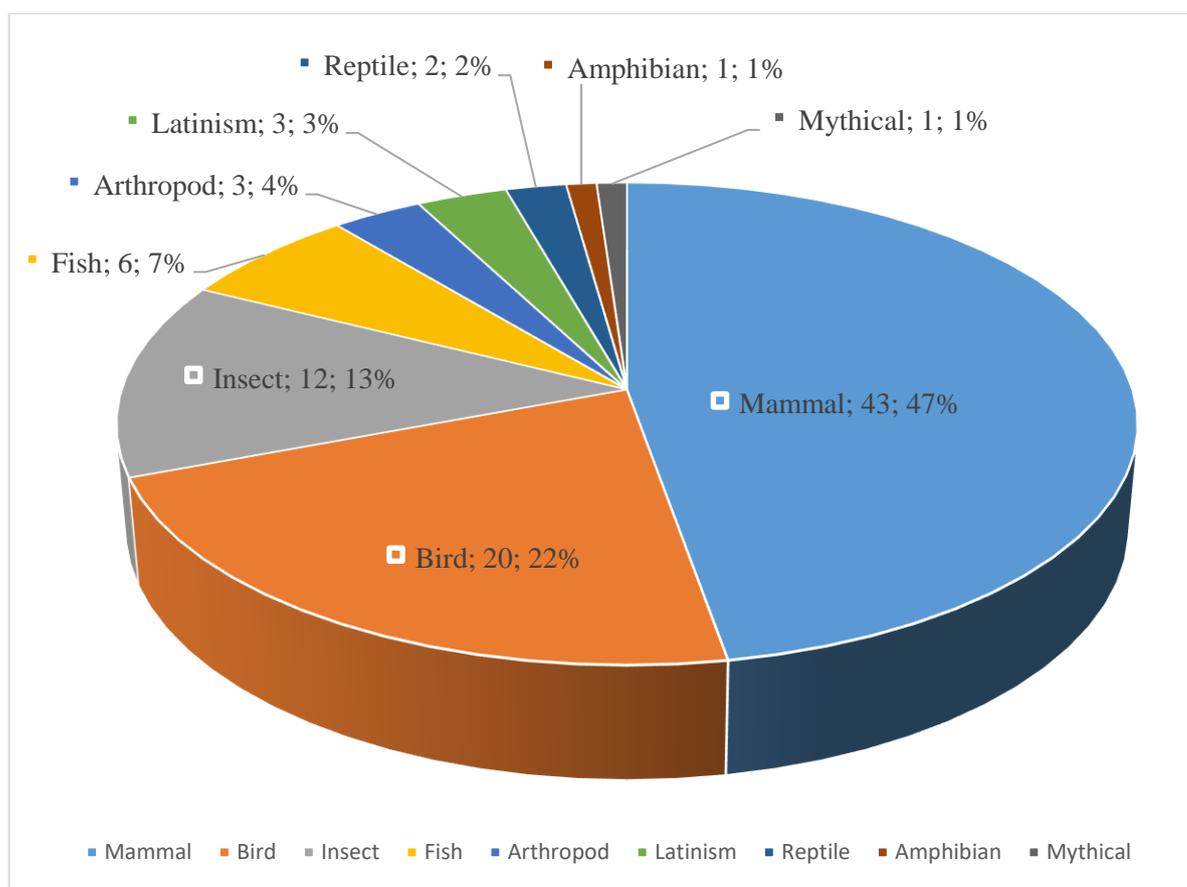
Исходя из собранных данных, была также установлена частота использования фаунонимических единиц всех подгрупп данного поля, которая может быть представлена в Диаграмме 1.

Диаграмма 1. Количество лексических единиц лексико-семантического поля «животное» (animal)

Как видно из приведенной диаграммы, среди всех элементов ЛСГ «животное», которое было выделено в данном произведении, наибольшей частотностью обладает группирование «animal», которое является совокупностью девяти групп, включающих в себя названия животных. Остальные лексические единицы в основном применялись в контексте слов-именований животных для их описания. Данные о частотности употребления входящих в группирование «animal» подгрупп можно выделить в Диаграмме 2.

Диаграмма 2. Количество лексических единиц, входящих в группы именованных животных.

Из данных приведенной выше диаграммы можно заметить, что большую часть лексических единиц, которые являются именованиями животных, в данном произведении составили три главные группы, включающие в себя именования млекопитающих, птиц и насекомых. Из всех выделенных групп, самыми часто встречающимися словами стали объекты групп наименований животных, таких как «*mammal*» и «*bird*»: *bear* – медведь (97 случаев использования) и *parrot* – попугай (134 случая использования).

Таким образом, в ходе анализа были составлены лексико-семантические поля «животное» на материале оригинального произведения и переводного текста. При сравнении полей было обнаружено, что перевод фаунонимических единиц почти полностью соответствует смыслу единиц оригинала.

Выводы по второй главе

В данной главе было рассмотрено влияние лексики, связанной с животным миром, на культуру и язык человека.

Животный мир и мир человека находились в тесном контакте еще с древнейших времен. Наблюдая за поведением животных, человек стремился познать окружающий мир и свое место в нем, часто соотнося самого себя с определенными видами животных. Подобное соотношение отразилось на культуре и языке человека, определило его отношение к миру.

Для описания лексических единиц, связанных с животным миром, многие исследователи прибегают к использованию различной терминологии. Наиболее часто встречаются термины «зооним» и «фауноним». Несмотря на большой пласт проведенных исследований в данной области, эти понятия все еще не имеют четко выраженных и унифицированных дефиниций. В данной работе, зоонимы рассматриваются как определенные существительные, исполняющие функцию родовидового наименования животного. Данный термин, кроме всего прочего, включает в себя и метафорическое обозначение. Термин «фауноним» обладает более широким значением, включая в себя фаунонимическую лексику, охватывающую большое количество лексических единиц разных частей речи, которые определяют объекты животного мира или относятся к нему.

Благодаря составлению ЛСГ «животное» в оригинальном романе Дж. Барнса «Попугай Флобера» и в переводном тексте А. Борисенко и В. Сонькина было установлено количество и процентное соотношение фаунонимических единиц, которые фигурируют в романе. Благодаря сравнительному анализу двух полей было установлено, что переводчики довольно точно отразили значение фаунонимической лексики оригинала в переводе, прибегая к различным изменениям для осуществления адекватного перевода.

ГЛАВА 3 Формирование семантических рядов фаунонимов в произведении Дж. Барнса «Попугай Флобера» в переводе А. Борисенко, В. Сонькина

3.1 Анализ семантических рядов фаунонимов

Системный подход к рассмотрению языковых явлений предлагает множество способов группирования лексических единиц. Рассмотренные нами способы группирования, такие как лексико-семантическое поле, лексико-тематическая и лексико-семантическая группы, позволяют охватить большое количество лексики для более глубокого анализа для улучшения стратегий перевода. Представляя систему словесных группирований, немаловажно отметить наличие более мелких совокупностей слов по тому или иному принципу. К таким совокупностям, к примеру, относят синонимические и антонимические, а также семантические ряды слов, которые могут быть использованы для более узкого переводческого анализа определенных лексических единиц.

Лексико-семантический ряд представляет собой совокупность значений слова, которые близки, либо противопоставлены по семантическому признаку [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 233].

Многие исследователи, рассматривая структурный характер языка в более узком понимании, указывают на необходимость изучения смыслового развития слов не столько при помощи отдельно взятой лексической единицы, сколько группирований или рядов, состоящих из нескольких сходных единиц. Такой точки зрения придерживался А.А. Потеня, указывая на необходимость изучения исторических закономерностей формирования групп слов [Уфимцева 1979: 146].

На формирование семантических рядов из слов указывал М.М. Покровский, рассматривая ход изменения значений слов в историческом плане. Он считает, что слова должны изучаться в совокупности, так как между ними проявляются определенные семантические связи. Они могут обладать как схожими, так и различными видами изменений, и сходность их выявляется в

принадлежности к одной «сфере представления» [Покровский 1959: 121]. Ввиду этого факта, важно, по мнению ученого, изучать не отдельные слова, а их системы, что может позволить глубже взглянуть на историческое развитие тех или иных словесных образований.

Семантические ряды могут содержать в себе лексику разного типа. Благодаря проделанной в предыдущих пунктах работе по составлению и изучению лексико-семантического поля, при помощи которого стало возможно разделение необходимой лексики на различные группирования, а также благодаря рассмотрению функционирования фаунонимической лексики, представляется возможным выделить в рассматриваемом нами произведении целые группы слов, сочетающих в себе лексические единицы, которые возможно сформировать в те или иные семантические ряды для проведения сравнительного анализа оригинального произведения и перевода.

Исходя из составленного нами лексико-семантического поля «животное», которое было составлено на материале оригинального произведения на английском языке, а также аналогичного ему поля, которое можно выделить в тексте перевода на русском языке (см. Схема 3), было выделено восемнадцать групп слов, которые определены своими лексическими единицами. Также, исходя из данных, представленных в Диаграмме 1 и Диаграмме 2, данные группирования слов были разделены на группы, называющие животных, и остальную связанную с ними лексику. Рассмотрим первые девять групп, включающие в себя названия представителей фауны. Несмотря на большое количество лексических единиц, формирование семантических рядов в произведении можно провести лишь с некоторыми фаунонимическими единицами.

1. Mammal (млекопитающее): animal (животное); ferret (хорёк); bear (медведь); monkey (обезьяна); dog (пес, собака); camel (верблюд); tiger (тигр); jackal (шакал); ram (баран); rat (крыса); lion (лев); ox (бык), buffalo (бизон); elephant (слон); whale (кит); hedgehog (еж); cow (корова); donkey (осел); porpoise (дельфин); mule (мул); rhino, rhinoceros (носорог); mole (крот); lamb (барашек);

gorilla (горилла); seal (тюлень); sheep (овца); wild cat (дикий кот); squirrel (белка); rabbit (кролик); field-mouse (землеройка); horse (лошадь); pig (свинья); beaver (бобер); mouse (мышь); giraffe (жираф); quadruped (четвероногий).

Из всех представленных единиц, обозначающих наименования млекопитающих, семантические ряды составлены из следующих фаунонимов, а также единиц других групп поля:

1) Собака: *dog* (собака) – *bitch* (сука) – *female* (самка) – *pet* (питомец) – *newfoundland* (ньюфаундленд) – *greyhound* (борзая) – *raciing dog* (гончий пес) – *bark* (лай) – *shaggy* (лохматый) – *ear*(ухо) – *paw* (лапа) – *muzzle* (морда) – *to run* (бегать) – *to уар*(тявкать) – *to chase* (гоняться) – *to bark* (лаять) – *to nimble* (кусать) – *to howl* (выть);

2) Лошадь: *horse* (лошадь) – *coach-horse* (упряжная лошадь)– *saddle* (седло) – *gallop* (галоп) – *to gallop* (скакать галопом) – *whinny* (ржание);

3) Свинья: *pig* (свинья) – *hog* (боров) – *sow* (свиноматка) – *porcine* (свинский) – *swinish* (свиноподобный);

4) Корова: *cow* (корова) – *calf* (теленок).

Данные семантические ряды как в оригинале, так и в переводе четко отражают различные породы животных, их строение и другие связанные с ними слова.

2. Bird (птица): *bird* (птица); *pigeon* (голубь); *parrot* (попугай); *bittern* (выпь); *warbler* (соловей); *magpie* (сорока); *turkey* (индюк); *swan* (лебедь); *ostrich* (страус); *eagle* (орел); *canary* (канарейка); *vulture* (коршун); *roosting grouse* (тетерев); *crane* (журавль); *owl* (сова); *hawk* (сокол); *handsaw* (цапля); *gull* (чайка); *daiquiri bird* (птичка-дайкири); *finch* (вьюрок).

Каждую лексическую единицу данной группы можно представить в следующем ряду: *bird* (птица) – *beak* (клюв) – *nest* (гнездо) – *feathers* (перья) – *plumage* (оперение) – *egg* (яйцо) – *to scream* (кричать) – *to turn more sharp* (сверкать цветом) – *to chatter* (стрекотать) – *to lurch* (крениться) – *to hover* (парить) – *to swoop* (вылетать) – *to perch* (усаживаться) – *to squawk out* (выкрикивать) – *to flutter*(порхать).

В переводе лексических единиц данного семантического ряда при помощи представленных вариантов перевода авторы сумели сохранить экспрессивность и заложенный в птицу образ вольного юркого существа.

3. Fish (рыба): fish (рыба); freshwater fish (речная рыба); eel (угорь); carp (мурена); goldfish (аквариумная рыбка); whitebait (анчоус).

При помощи лексических единиц данной подгруппы можно составить следующий семантический ряд: *fish (рыба) – net (сеть) – catch (улов) – school (стая)*.

Данный семантический ряд и в оригинале, и в переводе употреблялся как в прямом значении указывая на животных, так и в переносном, описывая попавшего в ловушку человека.

6. Latinism (латинизм): Psittacus (попугай); boa constrictor (боа-констриктор, удав); Thalarctos maritimus (белый медведь).

Единицы данной подгруппы слов использовались для составления семантических рядов со словами *bear* и *parrot*, которые рассмотрены в следующих пунктах работы. Из данных единиц только *boa constrictor* получил перевод в тексте, остальные же слова переводчики оставили в оригинальном виде.

Следующие подгруппы ЛСГ «животное» в данном произведении включают в себя лексические единицы, которые не были использованы для составления семантических рядов, но, тем не менее, использовались в фаунонимических оборотах:

3. Insect (насекомые): lice (вши); snail (улитка); fly (муха); cicada (цикада); butterfly (бабочка); crab-lice (лобковые вши); worm (червь); flatworm (червяк); moth (мотылек, моль); bedbug (клоп); dragonfly (стрекоза); flea (блоха).

5. Arthropod (членистоногое): oyster (устрица); lobster (омар); crayfish (лангуста).

7. Reptile (рептилия): lizard (ящерица); crocodile (крокодил).

8. Amphibian (амфибия): toad (жаба).

9. Mythical (мифическое): sphinx (сфинкс).

При переводе данные фаунонимические единицы сохранили свое оригинальное значение именования различных представителей фауны.

При составлении семантических рядов с названиями животных были использованы следующие группы слов:

1. Verb (глагол): to send in (науськивать); to scream (скрипеть, насвистывать); to turn more sharp (colour) (сверкать (цветом)); to flutter (порхать); call out (кричать); to steal away (воровато красться); to piss (мочиться); to pigeon-hole (прибирать); to catch (ловить); to chatter (стрекотать); to bellow (завывать); to inhabit (обитать); to lurch (крениться); to leave droppings (наследить); to cry out, to bray (реветь); to kick (брыкаться); to squeal (пищать); to imitate (подражать); squawk out (выкрикивать); to perch (усаживаться); to extend (расправлять); to chat (болтать); to roar (рычать); to run (бегать); to yarp (тявкать); to chase (гоняться); to nimble (кусать); to bark (лаять); to hover (парить); to devour (сожрать); to spring upon (набрасываться); to howl (выть); to swoop (вылетать); to hop (прыгать); to stroke (погладить); to leap (прыгать); to kill (убивать); to change colours (менять цвет); to gallop (скакать галопом).

2. Structure (строение): head (голова); plumage (оперение); mouth (пасть); meat (мясо); ivory (слоновая кость); sock (член); skin (шкура); bearskin (медвежья шкура); shell (раковина); paw (лапа); layer of fur (слой меха); intestines (кишки); shoulder-blade (лопатка); liver (печень); part (орган); neck (шея); fleece (руно); tail (хвост); eyes (глаза); droppings (помет); wings (крылья); feathers (перья); legs (ноги); muzzle (морда); shaggy (лохматый); ear (ухо); egg (яйцо); wool (шерсть); beak (клюв); skeleton (скелет); bear fat (медвежий жир); heart (сердце); shoulder (плечо); blood (кровь); body (тельце); forehead (лобик); throat (шейка); wing-tips (кончики крыльев).

3. Colour (цвет): bright green (ярко-зеленый); garish green (ядовито-зеленый); bright (пестрый); pink (розовый); blue (голубой); golden (золотистый).

4. Expressive (экспрессивное): clusters of beasts (зоопарк); bearishness, ursinity (медвежество); wild beast (дикий зверь); articulate beast (диковинная тварь); perky-eyed (востроглазый); companion (компаньон); to parrot

(спародировать, попугайничать); insect (букашка); parrothood (попугайство); ferocious (свирепый); porcine (свинский); swinish (свиноподобный); pet (питомец); calf (теленок); beast (зверь).

5. Sound (звук): roar (рёв); cry (крик); rattle (хрип); gargling (бульканье); speech (речь); voice (голос); bark (лай); whinny (ржание).

6. Breed (порода): an Alsatian (овчарка); Indian tiger (индийский тигр); dromedary (верблюд-дромадер); maritime bear (морской медведь); American brown bear (американский бурый медведь); Savoy reddish bear (рыжий медведь Савои); Russian black bear (русский черный медведь); polar bear (полярный медведь); Newfoundland (ньюфаундленд); greyhound (борзая); racing dog (гончий пес); coach-horse (упряжная лошадь); Amazonian parrot (амазонский попугай); Trouville parrot (трувилльский попугай), Ara (попугай ара).

Лексические единицы представленных выше групп могут быть использованы для составления семантических рядов с фаунонимами групп *mammal* и *bird*. Некоторые единицы особенно важны для составления рядов со словами *bear* и *parrot*, которые рассмотрены в соответствующих пунктах этой главы.

7. Food (еда): beef (говядина); white meat (крольчатина); calves' heads (телячья голова); bear meat (медвежатина); lamb (баранина); parrot soup (суп из попугая).

Слова данной группы выделяются в семантический ряд еды: *beef* (говядина) – *white meat* (крольчатина) – *calves' heads* (телячьи головы) – *bear meat* (медвежатина) – *lamb* (баранина).

В представленном семантическом ряду *white meat* было переведено более узким вариантом *крольчатина*. *Parrot soup* не входит в ряд, поскольку является частью устойчивого французского выражения, которое теряет смысл при переводе.

8. Dwelling (жилище): cage (клетка), den (берлога), lair (логово); cave (лежбище); shell (раковина).

Из данных единиц можно составить следующий семантический ряд: *den* (берлога) – *lair* (логово) – *cave* (лежбище) – *shell* (раковина, домик).

Данный семантический ряд в тексте оригинала обладает значением убежища, что проиллюстрировано так же и в вариантах перевода, однако переводные варианты обладают большей экспрессией, чем оригинальные.

9. Profession (профессия): *cameleer* (бедуин (погонщик верблюдов); *muleteer* (погонщик мулов); *zoo-keeper* (смотритель зоопарка); *tamer* (укротитель).

Из данных единиц можно составить следующий семантический ряд: *cameleer* (бедуин) – *muleteer* (погонщик мулов) – *tamer* (укротитель зверей).

Таким образом, фаунонимическая лексика, представленная в данном романе, позволяет составить семантические ряды, включающие в себя различные виды животных, а также другую сопутствующую лексику, связанную с животным миром. Проведенный сравнительный анализ оригинальных семантических рядов с их переводными аналогами позволяет утверждать, что перевод практически всегда соответствовал оригинальным единицам, но в некоторых случаях переводчики прибегли к более экспрессивным, генерализированным или уточняющим вариантам.

3.2 Семантический ряд фаунонимов со значением «bear»

Образ медведя присутствовал во многих культурах еще с древнейших времен, являясь одним из самых запоминающихся и часто встречаемых образов животного в творчестве человека. Медведь, являясь самым сильным хищником, которого можно встретить в лесу, надолго закрепил за собой образ беспощадной и первобытной силы, свирепости и буйства. Однако, данный образ не столь прямолинеен: отношение к медведю разнится от культуры к культуре, от народа к народу. Если народы севера видели в нем опасного и грозного хищника, то у китайцев, к примеру, он является воплощением силы и отваги. К тому же, поиск подходящей берлоги для ухода медведя в спячку зимой ассоциируется у многих

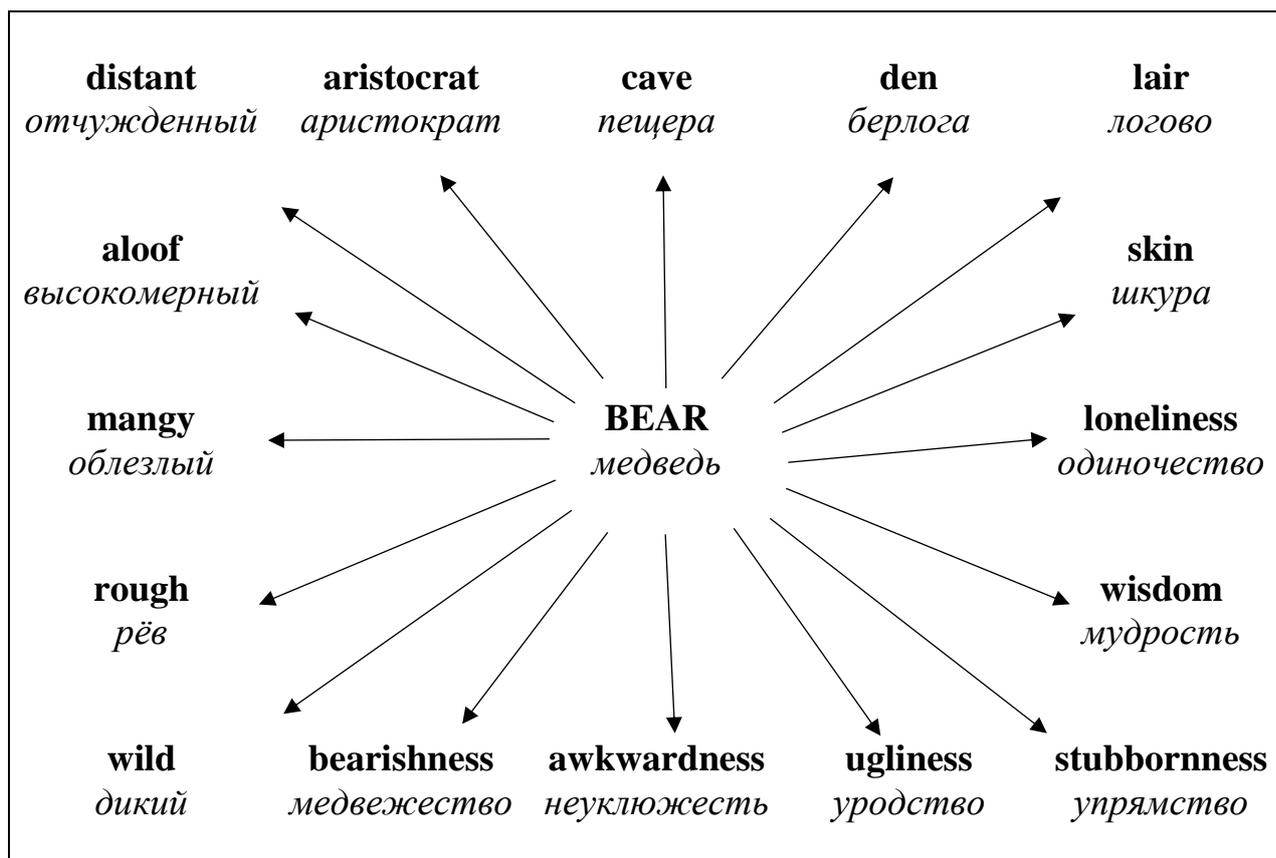
народов с предусмотрительностью и возрождением после смерти. Также, в образе медведицы всегда видели выражение материнской заботы.

Хотя медведь и ассоциируется, по большей части с силой и безрассудством, в его образе присутствуют и менее грозные черты, такие как добродушие, неуклюжесть, мудрость, обжорство и даже аскетизм – проводя целый сезон в спячке в полном одиночестве, медведь представляет собой также символ затворничества и одиночества.

Как уже было отмечено в предыдущем пункте, среди всех животных образов, которые применялись по отношению к Флоберу, самым частотным был именно образ медведя. Судя по многочисленным письмам и заметкам, образ медведя в жизни Флобера с годами совсем не исчезает, а наоборот усиливается, затмевая все остальные животные образы. В течение своей жизни Флобер пришел к выводу, что, отождествляя себя с одиноким медведем, обитающим в берлоге, вдали от общественной суеты, он выработал кодекс жизни, который остался с ним до его последних дней. Этот кодекс гласит, что нельзя наслаждаться жизнью и, одновременно с этим, описывать ее, так как искусство требует от человека полного вовлечения. Исходя из этого, слово *медведь*, которое применялось по отношению к писателю, в романе окружено, в основном, лексикой, которая характеризует этот образ как дикий, необузданный, отстранённый и одинокий.

Лексические единицы, связанные с образом медведя, который был представлен в романе, можно рассмотреть в схеме 5:

Схема 5. Лексические единицы, сочетаемые в тексте со словом «bear»

Как видно из приведенной схемы, основная лексика, ассоциирующаяся в романе со словом *медведь*, чаще всего имеет, в какой-то степени, негативную коннотацию, показывая этот образ с не самой хорошей стороны. Одиноким, нелюдимым и дикий – таким считал себя Флобер, высказывая эту мысль во многих своих письмах:

«When he was only twenty, people found him «an odd fellow, a bear, a young man out of the ordinary» <...>» [Barns 1984].

«Ему было всего двадцать, когда про него говорили «забавный оригинал, медведь, молодой человек, каких немного сыщешь» <...>» [Борисенко, Сонькин 2017].

Флобер соглашался с этим описанием даже до начала своей затворнической жизни:

«I am a bear and I want to stay a bear in my den, in my lair, in my skin, in my old bear's skin; I want to live quietly, far away from the bourgeois and the bourgeoises» [Barns 1984].

«Я медведь и хочу остаться медведем в своей берлоге, в своем логове, в своей шкуре, в старой медвежьей шкуре – спокойный и далекий от буржуа обоего пола» [Борисенко, Сонькин 2017].

Хотя писатель и не был одинок, так как в его доме жили родственники и прислуга, он настойчиво утверждал:

*«I live **alone, like a bear**»* [Barns 1984].

*«Я живу **один, как медведь**»* [Борисенко, Сонькин 2017].

*«I am resigned to living as I have lived: **alone, with my throng of great men as my only cronies – a bear, with my bear-rug for company**»* [Barns 1984].

*«Я решил жить так, как жил, **один, с толпой великих людей, которые заменяют мне круг общения, с моей медвежьей шкурой – ведь я и сам медведь**»* [Борисенко, Сонькин 2017].

После выявления болезни, усиливается степень затворничества Флобера:

«<...> [Flaubert is] a bear thrust deeper into bearishness by the stupidity of his age» [Barns 1984].

*«<...> [Флобер]- **медведь, с каждым днем все глубже погружающийся в медвежество из-за идиотизма своего века**»* [Борисенко, Сонькин 2017].

И хотя было установлено, что писатель примерял на себя роли многих животных, медведь остался для него самым важным образом до конца жизни:

*«<...> mainly, secretly, essentially, he is **the Bear: a stubborn bear, a mangy bear, even a stuffed bear; and so on down to the very last year of his life, when he is still 'roaring as loudly as any bear in its cave'**»* [Barns 1984].

*«<...> в глубине души, тайно, сущностно он **Медведь: упрямый медведь, облезлый медведь и даже чучело медведя, и так – до последнего года жизни, когда он все еще издает «рев медведя в своем лежбище**»* [Борисенко, Сонькин 2017].

С такой точкой зрения согласны и его знакомые:

*«Rogier was calling him **Crazy Bear**»* [Barns 1984].

*«Рожье звал его **безумным медведем**»* [Борисенко, Сонькин 2017].

«<...> *he behaved in this **strange and bearish fashion** from the very beginning, even when he was most in love with me*» [Barns 1984].

«<...> *он вел себя с **медвежьей неуклюжестью** с самого начала, даже когда был сильнее всего влюблен в меня*» [Борисенко, Сонькин 2017].

Тем не менее, не все близкие или знакомые Флобера относились к медведю столь категорично: племянница Каролина, считавшая дядю своим опекуном, видела в образе медведя защиту и опору:

«*With one bound I would throw myself on the **large white bearskin**, which I adored, and cover **its great head** with kisses*» [Barns 1984].

«*Одним прыжком я падала на **огромную белую медвежью шкуру**, которую обожала, и покрывала поцелуями ее **большую голову***» [Борисенко, Сонькин 2017].

Выдержка из словаря Оланье, приведенная в романе, также приписывает образу медведя положительные качества мудрого животного:

«*When the Yakuts, a Siberian people, meet **a bear**, they doff their caps, greet him, call him **master, old man or grandfather**, and promise not to attack him or even speak ill of him*» [Barns 1984].

«*Когда якуты, сибирский народ, видят **медведя**, они снимают шапки, приветствуют его, зовут **хозяином, стариком или дедушкой** и обещают не нападать на него и никогда не отзываться о нем дурно*» [Борисенко, Сонькин 2017].

Описывая становление «медвежьей сущности» Флобера, Барнс размышляет на тем, каким именно медведем был писатель, раскрывая образы различных видов этого животного:

«*At first he is just an **unspecified ours**, a **bear** <...>*» [Barns 1984].

«*Сначала он просто **ours** без уточнения, **медведь** <...>*» [Борисенко, Сонькин 2017].

«*He's still unspecified – though owner of **a den** – in 1843, in January 1845, and in May 1845 (by now he boasts **a triple layer of fur**)*» [Barns 1984].

«У него по-прежнему нет уточнения в 1843 году (хотя есть логово), в январе 1845-го и в мае 1845-го (теперь у него вырос **тройной слой меха**)» [Борисенко, Сонькин 2017].

После рассмотрения различных видов медведя, Барнс указывает на конечный – образ полярного медведя:

«*So far we (and he too, perhaps) have been imagining a dark animal: an American brown bear, a Russian black bear, a reddish bear from Savoy. But in September 1845 Gustave firmly announces himself to be 'a white bear'*» [Barns 1984].

«Пока что мы (возможно, вслед за ним самим) представляем себе животное темного цвета: **американского бурого медведя, русского черного медведя, рыжевато-медведя Савойи**. Но в сентябре 1845 года Гюстав твердо заявляет, что он – **«белый медведь»**» [Борисенко, Сонькин 2017].

Согласно Барнсу, белый медведь наиболее точно отражает характер Флобера, ведь остальные виды все еще близки к людям: «других медведей можно использовать». Белый медведь для Флобера – признак абсолютной свободы и независимости. Барнс размышляет:

«*Or is this coloration indicative of a further shift away from humanity, a progression to the extremes of ursinity?*» [Barns 1984].

«Или этот окрас связан с продолжающимся **отдалением от человечества, с дрейфом к дальним пределам медвежества?**» [Борисенко, Сонькин 2017].

«*But the white bear, **Thalarctos maritimus**, is the aristocrat of bears. Aloof, distant, stylishly diving for fish, roughly ambushing seals when they come up for air. The maritime bear*» [Barns 1984].

«Но белый медведь, **Thalarctos maritimus** – это **аристократ** среди медведей. **Высокомерный, неприступный, изящно ныряющий за рыбой, коварно подстерегающий тюленей, которые поднимаются глотнуть воздуха. Морской медведь**» [Борисенко, Сонькин 2017].

Вдохновившись образом медведя, Флобер решает вставить его в свои произведения, например, в «Госпожу Бовари», где данный образ отождествляется с чем-то примитивным:

*«Language is like a cracked kettle on which we beat out tunes **for bears to dance to**, while all the time we long to move the stars to pity»* [Barns 1984].

*«Человеческая речь подобна разбитому котлу, и на нем мы выстукиваем мелодии, под которые **впору плясать медведям**, хотя нам-то хочется **растрогать** звезды»* [Борисенко, Сонькин 2017].

Не менее интересными в романе предстают выражения на французском языке, связанные с образом медведя:

*«The figurative sense of **ours** is much the same as in English: **a rough, wild fellow**»* [Barns 1984].

*«Метафорически **ours** означает примерно то же, что и по-английски: **грубый, дикий человек**»* [Борисенко, Сонькин 2017].

*«**Avoir ses ours, to have one's bears**, means 'to have the curse' (presumably because at such times a woman is supposed to **behave like a bear with a sore head**)»* [Barns 1984].

*«**Elle a ses ours**, «у нее **медведи**», говорят о женщине, когда у нее месячные (видимо, предполагается, что в такие дни женщина **ведет себя как медведь-шатун**)»* [Борисенко, Сонькин 2017].

*«**Un ours mal léché, a badly licked bear**, is someone **uncouth and misanthropic**»* [Barns 1984].

*«**Un ours mal léché**, «**дурно облизанный медведь**» – так говорят о человеке **неотесанном и мизантропическом**»* [Борисенко, Сонькин 2017].

*«More apt for Flaubert, **un ours** was nineteenth-century slang for a play which had been frequently submitted and turned down, but eventually accepted»* [Barns 1984].

*«Еще больше подходит Флоберу жаргонизм XIX века: **un ours** – это пьеса, которую часто и безуспешно предлагают для постановки, но в конце концов все-таки принимают»* [Борисенко, Сонькин 2017].

Пытаясь отразить связь Флобера с медведем, Барнс даже соединяет два слова в одно: *Flaubert + bear* на английском и *Gustave + ours* на французском:

«*Once you catch your bear, says the Macedonian proverb, it will dance for you. Gustave didn't dance; Flaubear was nobody's bear. (How would you fiddle that into French? Gourstave, perhaps.)*» [Barns 1984].

«*Если поймаешь медведя, он для тебя спляшет*» – гласит македонская поговорка. *Гюстав не плясал; Флобер никого не пускал в свою берлогу. (Как бы это обыграть по-французски? Gourstave, пожалуйста.)*» [Борисенко, Сонькин 2017].

Исходя из составленного нами ЛСГ «животное» в данном произведении, а также благодаря рассмотрению функционирования отдельных единиц фаунонимической лексики, связанной с медведем, представляется возможным выделение определенных семантических рядов, связанных с этим животным, при помощи лексики из составленных нами групп:

1. Порода: *American brown bear* (американский бурый медведь) – *Savoy reddish bear* (рыжий медведь Савойи) – *Russian black bear* (русский черный медведь) – *poler bear* (полярный медведь) – *maritime bear* (морской медведь);

2. Строение: *head* (голова) – *mouth* (пасть) – *meat* (мясо) – *skin* (шкура) – *bearskin* (медвежья шкура) – *paw* (лапа) – *layer of fur* (слой меха) – *intestines* (кишки) – *shoulder-blade* (лопатка) – *liver* (печень) – *bear fat* (медвежий жир) – *blood* (кровь);

3. Глаголы: *to bellow* (завывать) – *to inhabit* (обитать) – *to cry out, to bray* (реветь) – *to roar* (рычать) – *to devour* (пожирать) – *to spring upon* (набрасываться) – *to kill* (убивать);

4. Жилище: *den* (берлога) – *lair* (логово) – *cave* (лежбище);

5. Экспрессивное: *bearishness* (медвежество) – *ursinity* (медвежество) – *wild beast* (дикий зверь);

6. Звуки: *roar* (рёв) – *cry* (крик) – *rattle* (хрип).

Таким образом, благодаря проведенному анализу данной конкретной единицы фаунонимической лексики, было установлено, что образ медведя в

данном произведении преподносится, в основном, как символ одиночества и упрямства, что видно из сопутствующей лексики, которая может быть использована для составления семантических рядов. Во всех представленных выше примерах перевода, авторы смогли отразить описываемый Барнсом образ медведя со всеми присущими ему чертами – дикость, сила, одиночество. В основном был использован прямой перевод, однако переводчики столкнулись со сложностями в виде французских речевых оборотов и выдуманных Барнсом слов, которые были либо обыграны прямо в тексте, либо отмечены в переводческих заметках. В целом, перевод соответствует оригинальным значениям, однако в некоторых случаях была использована экспрессия.

3.3 Семантический ряд фаунонимов со значением «parrot»

Из всей рассмотренной нами фаунонимической лексики и образов, важнейшим при рассмотрении романа «Попугай Флобера», как видно из названия, является образ *попугая*.

Образ птицы присутствовал в культуре человека еще с незапамятных времен. Воздушная среда обитания птицы всегда манила человека своей недоступностью, заставляла восхищаться ее красотами и опасаться буйного нрава. Человек считал, что все, что связано с воздушной средой, принадлежит небу – а значит имеет отношение к божественности.

В большинстве культур образ птицы обладает благоприятной символикой. Обладание способностью к полету, связь с воздушной средой и способность к пению и даже речи делало птицу одним из самых запоминающихся и драгоценных образов в сознании человека. Образ птицы часто представлял собой образ Творца, вестника или помощника. Племенные сообщества видели в птице символ гармонии и порядка, свободы и благочестия.

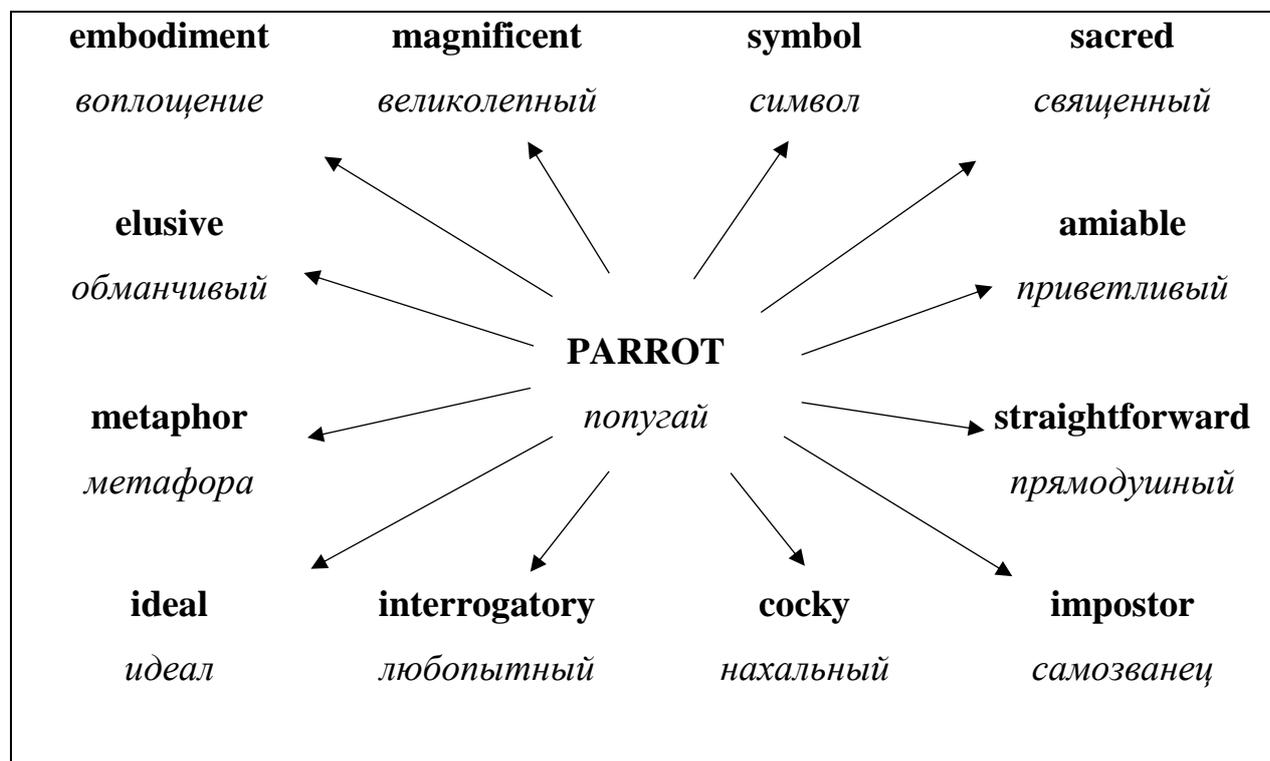
Несмотря на преобладающую положительную характеристику данного образа, символика птицы может быть и негативной. Это обусловлено конкретным видом птицы: обычно к положительному типу относят таких

представителей птиц, как голубь, лебедь, ласточка, а к отрицательному – ворон, стервятник, сорока и др.

Одним из самых интересных видов в птицы является попугай. Эта птица издревле привлекала внимание человека своей неординарностью. В древние времена попугаев содержали короли и воспевали поэты; к ним относились с большим почетом, содержа их в шикарных клетках. Будучи стайной птицей, попугай нуждался в тесном контакте с человеком, из-за чего становился хорошим домашним питомцем. Чудесный окрас, веселый нрав и, в особенности, способность повторять за человеком слова, давно привлекали человека, создавая определенные образы: попугай ассоциировался с роскошью и статусом, с упрямством и любознательностью, и даже с потусторонним миром.

В романе «Попугай Флобера», образ попугая подвергается подробному рассмотрению. Вобрав в себя различные стереотипные для данного образа черты, попугай, однако, раскрывается в разных ипостасях, что показано с помощью определенной лексики, окружающей слово *parrot* в тексте. Рассмотрим лексику, представленную в схеме 6:

Схема 6. Лексические единицы, сочетаемые в тексте со словом «parrot»

Как видно из приведенной выше схемы, образ попугая в данном произведении, в отличие от остальных животных, более метафоричен и раскрывается через попытки автора познать природу мировоззрения Флобера.

В ходе действия романа, Брэйтуэйт, рассуждая над жизнью и творчеством Флобера, приходит к выводу, что попугай играл для французского писателя немаловажную роль. Путешествуя по местам, связанным с именем Флобера, исследователь натывается в одном из музеев на чучело попугая, которое, предположительно, послужило прототипом попугая Лулу из «Простой души». В то же время, он обнаруживает еще одно чучело, также якобы являющееся «тем самым». В желании Брэйтуэйта выяснить, какое из чучел является подлинным, Барнс раскрывает дуальность двух попугаев через противопоставление:

«How do you compare two parrots, one already idealised by memory and metaphor, the other a squawking intruder?» [Barns 1984].

«Как сравнить двух попугаев, один из которых уже идеализирован памятью и метафорой, а другой – всего лишь крикливый самозванец?» [Борисенко, Сонькин 2017].

«I agreed with the gardienne that her parrot was clearly authentic, and that the Hôtel-Dieu bird was definitely an impostor» [Barns 1984].

«Я согласился со смотрительницей, что это и есть аутентичная птица, а попугай в Отель-Дьё – явный самозванец» [Борисенко, Сонькин 2017].

«<...> how, and when, did a simple (if magnificent) living bird of the 1830s get turned into a complicated, transcendent parrot of the 1870s?» [Barns 1984].

«<...> каким образом и когда простая (пусть и великодушная) птица из 1830-х годов превратилась в сложного, трансцендентального попугая 1870-х?» [Борисенко, Сонькин 2017].

«<...> one of them amiable and straightforward, the other cocky and interrogatory» [Barns 1984].

«<...> один из них приветливый и прямодушный, другой – нахальный и любопытный» [Борисенко, Сонькин 2017].

Сравнение происходит не только между двумя чучелами-прототипами, но и между восприятием попугая-символа. Для Фелисите из «Простой души» попугай являлся символом божественности, в то время как Барнс видит в нем все тот же «флоберовский гротеск»:

«I lay in bed on my back with the lights out and thought about Flaubert's parrot: to Felicite it was a grotesque but logical version of the Holy Ghost; to me, a fluttering, elusive emblem of the writer's voice» [Barns 1984].

«Я лежал в кровати на спине, выключив свет, и думал о попугае Флобера: для Фелисите он был гротескным, но логичным воплощением Святого Духа; для меня – порхающим, обманчивым символом авторского голоса» [Борисенко, Сонькин 2017].

И все же Барнс не забывает отметить положительные качества образа попугая:

«<...> the Brahmins honour them above all other birds. And they add that it is only reasonable to do so; for the parrot alone can give a good imitation of the human voice» [Barns 1984].

«<...> брахманы считают их священными, почитают превыше всех остальных птиц и добавляют, что делают это с достаточным основанием – ведь лишь один попугай весьма умело подражает человеческому голосу» [Борисенко, Сонькин 2017].

«<...> terrace include a small ivory bed whose cushions are stuffed with parrot feathers – «for this was a prophetic bird, consecrated to the gods» [Barns 1984].

«<...> а среди мебели на террасе Саламбо есть небольшое ложе слоновой кости, с подушками из перьев попугая, потому что это «вещая птица, посвященная богам» [Борисенко, Сонькин 2017].

Исследуя образ чучела попугая в романе, можно проследить его идеологическую связь с самим Флобером, или писателем в целом. Барнс указывает на это при помощи проведения параллелей между попугаем и писателем, которые выражаются в тексте с помощью различных средств:

1. Частое упоминание «клетки», в которую заключен попугай/писатель; затворничество:

«<...> we are all **caged birds**, and that life weighs the heaviest on those with the largest wings: 'We are all to a greater or lesser degree **eagles or canaries, parrots or vultures**» [Barns 1984].

«<...> все мы – **птицы в клетке** и что жизнь давит тяжелее всего на тех, у кого крылья больше: «Все мы в той или иной степени **орлы или канарейки, попугаи или коршуны**» [Борисенко, Сонькин 2017].

2. Барнс отмечает, что попугай близок Флоберу и в плане болезни:

«Buffon observes that [**a parrot**] is **prone to epilepsy**. Flaubert knew of this fraternal weakness <...>» [Barns 1984].

«Бюффон говорит (и для нас это представляет особый интерес), что **попугаи склонны к эпилепсии**. Флобер знал об этой братской слабости <...>» [Борисенко, Сонькин 2017].

3. Наличие у попугая «дара речи», что сходно с «даром слова» писателя:

«**The parrot, the articulate beast, a rare creature that makes human sounds**. Not for nothing does Felicite confuse Loulou with the Holy Ghost, the giver of tongues» [Barns 1984].

«**Попугай, наделенный даром речи; диковинная тварь, способная издавать человеческие звуки**. Неслучайно ведь Фелисите путает попугая со **Святым Духом, дарителем языков**» [Борисенко, Сонькин 2017].

4. Барнс выражает связь между попугаем и человеком даже на этимологическом уровне:

«**Perroquet** is a diminutive of Pierrot; **parrot** comes from Pierre; Spanish **perico** derives from Pedro» [Barns 1984].

«Французское **perroquet** – это уменьшительное от имени «Пьеро»; английское **parrot** происходит от «Пьер», испанское **perico** – от «Педро» [Борисенко, Сонькин 2017].

5. Сравнивая Флобера с попугаем, Барнс также дает описание дома, где жил писатель:

«<...> like one of those squeezed houses you sometimes see with a single room on each storey. (The French call such a house **un bâton de perroquet, a parrot's perch.**)» [Barns 1984].

«<...> как в тех вытянутых вертикально домах, где на каждом этаже по одной комнате. (Французы называют такой дом «**un bâton de perroquet**», **жердочка для попугая**)» [Борисенко, Сонькин 2017].

6. Наконец, Барнс, от лица Луизы Коле, прямым текстом называет Флобера ничем иным, как попугаем:

«Gustave imagined he was **a wild beast** <...> but perhaps he was really just **a parrot**» [Barns 1984].

«Гюстав представлял себя **диким зверем** <...> но, может быть, он был всего **лишь попугаем**» [Борисенко, Сонькин 2017].

«The white bear in white gloves? No, no: **the parrot, the parrot in gloves**» [Barns 1984].

«Белый медведь в белых перчатках? Нет-нет, **попугай, попугай в перчатках!**» [Борисенко, Сонькин 2017].

Исходя из составленного нами ЛСГ «животное» в данном произведении, а также благодаря рассмотрению функционирования отдельных единиц фаунонимической лексики, связанной с попугаем, представляется возможным выделение определенных семантических рядов, связанных с этим животным, при помощи лексики из составленных нами групп:

1. Птица: *bird* (птица) – *parrot* (попугай) – *pigeon* (голубь) – *family* (семейство) – *perch* (жердочка) – *walking* (походка) – *nest* (гнездо) – *cage* (клетка).

1. Порода: *Amazonian parrot* (амазонский попугай) – *Trouville parrot* (трувилльский попугай) – *Ara* (ара);

2. Строение: *plumage* (оперение) – *tail* (хвост) – *eyes* (глаза) – *wings* (крылья) – *feathers* (перья) – *egg* (яйцо) – *beak* (клюв) – *body* (тельце) – *forehead* (лобик) – *throat* (шейка) – *wing-tips* (кончики крыльев);

3. Глаголы: *to scream* (насвистывать) – *to turn more sharp (colour)*(сверкать(цветом)) – *to flutter* (порхать) – *to call out* (кричать) – *to chatter* (стрекотать) – *to imitate* (подражать) – *squawk out* (выкрикивать) – *to perch* (усаживаться) – *to extend* (расправлять) – *to chat* (болтать) – *to hover* (парить) – *to swoop* (вылетать) – *to change colours* (менять цвет);

4. Экспрессивное: *parrothood* (попугайство) – *articulate beast* (дикий зверь) – *creature* (существо) – *perky-eyed* (востроглазый) – *to parrot* (попугайничать);

5. Звуки: *cry* (крик) – *speech* (речь) – *voice* (голос);

6. Цвет: *bright green* (ярко-зеленый) – *garish green* (ядовито-зеленый) – *bright* (пестрый) – *pink* (розовый) – *blue* (голубой) – *golden* (золотистый);

Таким образом, разнообразие лексики, сочетающейся со словом *попугай* в данном романе, позволяет глубже взглянуть на этот животный образ. Благодаря семантическим рядам можно проследить тенденцию использования в данном произведении фаунонимической лексики, связанной с птицей. Во всех рассмотренных нами примерах перевода можно заметить, что фауноним *попугай* обладает метафорическим значением. Точный перевод связанной с попугаем лексики сопровождался экспрессивными словами и использованием уменьшительно-ласкательных суффиксов.

3.4 Неточности и погрешности перевода произведения Дж. Барнса «Попугай Флобера» за авторством А. Борисенко, В. Сонькина

На сегодняшний день проблема правильности художественного перевода является одной из важнейших и наиболее обсуждаемых в сфере переводоведения. Данный вид переводческой деятельности с давних пор считается одним из сложнейших, ввиду большого количества проблем, с которыми может столкнуться переводчик в процессе перевода.

Художественный перевод всегда требовал от переводчика большого количества знаний, умений и даже таланта, поэтому осуществление такого перевода по праву может считаться искусством. Переводя какое-либо

художественное произведение, переводчик, можно сказать, осуществляет его написание заново на другом языке, и при этом очень важно обладать писательскими способностями и талантом. Важнейшими целями в художественном переводе являются сохранение задумки, стилистики автора, а также атмосферы оригинального произведения. Такие сложные цели достижимы только для профессиональных переводчиков, которые посвящают переводу много времени и досконально анализируют оригинальное произведение на наличие возможных проблем. К сожалению, подобная подготовка не отрицает наличие переводческих неточностей и погрешностей.

В данной работе при анализе оригинального произведения «Попугай Флобера» был использован перевод профессиональных переводчиков и кандидатов филологических наук Александры Борисенко и Виктора Сонькина. Специализируясь на британской литературе XX-го века и имея большой опыт в сфере переводов, Борисенко и Сонькин проделали большую работу при переводе данного романа, тщательно анализируя не только само произведение Барнса, но также оригинальные произведения Гюстава Флобера на французском языке, прибегая к помощи других переводчиков и самого Барнса. Тем не менее, несмотря на такую фундаментально проделанную работу, в тексте перевода могут быть встречены определенные неточности, связанные с темой нашей работы:

1) Неточный перевод:

«*They say he strangled an entire pack of Wolf Cubs and fed their bodies to a school of carp?*» [Barns 1984].

«*Говорят, он задушил целый отряд пионеров и скормил их стае мурен в пруду?*» [Борисенко, Сонькин 2017].

В данном предложении слово «*carp*» было переведено как «мурена», что не является корректным вариантом перевода, и выбор подобного перевода не находит отражения в контексте отрывка.

*«At nineteen, he thinks that after he's finished his legal studies he'll go off and become a Turk in Turkey, or a **muleteer** in Spain, or a **cameleer** in Egypt» [Barns 1984].*

*«В девятнадцать он думает о том, что по окончании своих юридических штудий отправится турком в Турцию, погонщиком мулов в Испанию или **бедуином** в Египет» [Борисенко, Сонькин 2017].*

Этот пример иллюстрирует желание Флобера связать свою жизнь с животными: с мулами и верблюдами, однако, если в первом случае перевод слова «*muleteer*» отражает связь с мулом, при переводе слова «*cameleer*» вариантом «бедуин» эта связь теряется, поскольку «бедуин» обладает несколько иным значением. Поэтому, целесообразней было бы использовать вариант «*погонщик верблюдов*».

*«<...> and so on down to the very last year of his life, when he is still «roaring as loudly as any bear in its **cave**» [Barns 1984].*

*«<...> и так – до последнего года жизни, когда он все еще издает «рев медведя в своем **лежбище**» [Борисенко, Сонькин 2017].*

В представленном отрывке Флобер сравнивается с медведем, который желает уединиться в своей берлоге или убежище. В данном случае, перевод слова «*cave*» при помощи варианта «*лежбище*» является некорректным с точки зрения вида животного: слово «*лежбище*» употребляется для обозначения места на пляже, на котором залегают морские животные. Кроме того, в других случаях упоминания жилища медведя, были использованы такие слова как «*lair*» и «*den*», которые явно относятся к медведю и были переведены соответственно «*логово*» и «*берлога*», что связано с местом обитания этого животного. Поэтому, в данном отрывке следовало использовать похожий вариант перевода.

2) Упущенная лексика.

*«I **pigeon-hole** my life, and keep everything in its place; I'm as full of drawers and compartments as an old travelling trunk, all roped up and fastened with three big leather straps» [Barns 1984].*

«*Я прибираю каждую вещь на свое место, я как шкаф, у меня есть ящики, во мне столько отделений, сколько в старом саквояже, трижды перевязанном кожаным ремнем*» [Борисенко, Сонькин 2017].

В данном отрывке указывается, что Флобер был очень дотошен и любил раскладывать вещи по своим местам. И хотя при переводе слова «*pigeon-hole*» вариантом «*прибирать*» авторы сохранили основное значение, в рамках наличия большого количества фаунонимической лексики в романе следовало бы применить иной вариант, в котором был бы употреблен фауноним, так как это отражает натуру Флобера причислять себе качества различных животных.

3) Вольности перевода. В противовес предыдущей неточности, в переводе романа были обнаружены определенные предложения, в рамках которых присутствовала рассматриваемая нами фаунонимическая лексика, несмотря на ее отсутствие в оригинальных предложениях:

«<...> *He might think it was a bit of a... low blow*» [Barns 1984].

«<...> *Он мог бы посчитать, что я птица низковатого полета*» [Борисенко, Сонькин 2017].

«*My client was a soft touch*» [Barns 1984].

«*Мой клиент был кроток как овечка*» [Борисенко, Сонькин 2017].

Как видно из приведенных примеров, переводные варианты оригинальных предложений используют фаунонимическую лексику, которая не присутствует в оригинале.

Несмотря на представленные неточности, заметно, что перевод был выполнен переводчиками-профессионалами, которые с серьезностью и пониманием подошли к вопросу перевода сложных моментов, имеющих в оригинале. Однако самым большим недочетом, имеющимся в данном переводе, является отсутствие необходимых комментариев, поясняющих те или иные моменты в тексте произведения.

При ознакомлении с текстом оригинала можно заметить, что Барнс, раскрывая личность Флобера при помощи фаунонимической лексики, иронизирует над французским писателем, но делает это скорее в дружеской

манере. Однако в переводе прагматическая составляющая образа Флобера меняется, а дружеская ирония превращается в насмешку над писателем. В результате читатель воспринимает личность Флобера не так, как она была представлена в тексте оригинала. Из представленных Барнсом сравнений Флобера и животных становится ясно, что автор заимствует их из конкретных контекстов, в данном случае – из писем, в то время как переводчики не рассматривают данный контекст, что приводит к недопониманию ситуации. Во избежание подобной неточности, переводчикам следовало глубже проанализировать выбранные Барнсом письма и сделать определенную пометку в примечаниях, объясняя, что все сравнения были утрированы.

Таким образом, в переводе рассматриваемого в данной работе произведения были обнаружены определенные неточности, связанные с передачей фаунонимических единиц. Среди этих неточностей можно выделить неточный перевод, упущенную лексику, вольность перевода и отсутствие необходимых заметок, которые бы смогли проиллюстрировать определенные спорные моменты и объяснить читателю оригинальный замысел автора.

Выводы по третьей главе

В данной главе при помощи лексико-семантического поля «животное» в романе Джулиана Барнса «Попугай Флобера» был проведен анализ семантических рядов, использующих фаунонимическую лексику. В ходе анализа была обнаружена и рассмотрена вся фаунонимическая лексика, которая присутствует в тексте произведения. В первую очередь, были рассмотрены стилистические особенности, примененные автором в данном произведении, были составлены наглядные схемы, иллюстрирующие связь лексического материала с выражением образов животных. Всего было изучено свыше двухсот пятидесяти единиц лексики, проанализированы отдельные подгруппы данного поля. В результате было установлено, что представленная в романе лексика применяется для описания человека с приданием ему черт животного, для чего использовались различные сравнительные фаунонимические обороты.

Самыми важными в романе предстали образы медведя и попугая. При рассмотрении необходимой лексики было установлено, что в данном контексте под образом медведя раскрывались такие черты, как дикость, одиночество, неуклюжесть, что применялось по отношению к главному герою романа. Образ попугая в романе представляет собой метафоричное олицетворение главного героя-писателя. Были составлены семантические ряды, в которые вошла связанная с этими образами фаунонимическая лексика.

Также были рассмотрены определенные неточности, встретившиеся в переводе. Из них можно выделить неточный перевод отдельных слов, упущенную лексику, вольный перевод и отсутствие необходимых замечок.

Таким образом, благодаря проведенному анализу фаунонимической лексики в романе «Попугай Флобера», была раскрыта роль лексики, связанной с животным миром, и приведены примеры функционирования семантических рядов в художественной литературе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Художественный перевод как один из самых сложных видов переводческой деятельности вынуждает переводчиков искать способы и стратегии перевода, которые бы поспособствовали наиболее точной передаче текста произведений с одного языка на другой. Для достижения этой цели многие исследователи прибегают к специальным системам, с помощью которых можно выделить и проанализировать определенные языковые единицы.

Системный характер языка подразумевает представление языка как системы, в которой можно выделить различные элементы. Лексико-семантическое поле, являясь языковой системой, представляет из себя совокупность лексических единиц, которые объединены одним общим значением. В поле можно выделить ядро как самую главную смысловую единицу, которая соединена определенными взаимоотношениями с прочими элементами этой системы, и зону периферии, которой принадлежат единицы различных значений. Полевая организация может быть вертикальной и горизонтальной. По вертикали расположены микрополя, а по горизонтали рассматриваются отношения между микрополями.

Было установлено, что лексико-семантическое поле является действенным способом организации различных типов лексики, например, фаунонимической, и может быть использовано для проведения переводческого анализа. Многие исследователи используют термины «зооним» и «фауноним» для описания лексических единиц, связанных с животными и миром фауны. В современной лингвистике данные понятия являются еще неустоявшимися и имеют различные трактовки. В данной работе под понятием «зооним» понимаются существительные, используемые для номинации видов животных, а под понятием «фауноним» - описание лексики, связанной с животным миром. Данный тип лексики обладает большим количеством единиц и характеризуется большой важностью для исследования лингвистического и культурологического аспектов языка какого-либо народа.

При использовании полученных данных о лексико-семантическом поле и фаунонимической лексике, был проведен анализ художественного произведения «Попугай Флобера» за авторством Дж. Барнса. При помощи составленного семантического поля «животное» на материале оригинального произведения была выделена и отобрана вся фаунонимическая лексика произведения. При рассмотрении текста перевода было установлено, что лексико-семантическое поле «животное», которое можно выделить также и на материале перевода произведения, практически аналогично полю оригинального произведения. Были проанализированы переводные варианты как отдельных фаунонимических единиц, так и составленных семантических рядов. В ходе данного исследования было установлено, что в целом переводные значения соответствуют значениям оригинала, однако в некоторых случаях при переводе переводчики прибегли к более экспрессивным выражениям, а также использовали такие приемы, как генерализация и опущение.

Также были рассмотрены определенные неточности, встретившиеся в переводе. Из них можно выделить неточный перевод отдельных слов, упущенную лексику, вольный перевод и отсутствие необходимых замечок.

Таким образом, в данной работе было рассмотрено использование лексико-семантического поля для выделения и отбора фаунонимической лексики в художественном произведении и проведения сравнительного переводческого анализа оригинального текста и текста перевода, что может стать подспорьем для проведения более глубокого сравнительного анализа для нахождения новых путей и стратегий осуществления художественного перевода.

Головко Е.В.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов Б.А. Синтаксические потенции глаголов: автореф. ... канд. филол. наук. – М.: 1968. – 30 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учеб. пособие – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.
3. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика // Ю.Д. Апресян. Избранные труды. – М., 1995. — Т. 1. – 251 с.
4. Бабайцева В.В. Явление переходности в грамматике русского языка: Монография. – М.: Дрофа, 2000. – 640 с.
5. Багана, Ж., Галиаскарова, В.Р. Культурологический аспект наименований некоторых представителей фауны. Научная мысль Кавказа. – Ростов-на-Дону, 2010. – №4. – с.157-159.
6. Барнс Дж. Попугай Флобера: роман. пер. с англ. А. Борисенко, В. Сонькина. – М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2017. – 320 с.
7. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М., 1975. – 230 с.
8. Башарина А.К. Понятие “Семантическое поле”. – Вестник Северо-Восточного фед. Университета им. М.К. Аммосова, 2007. – 4 с.
9. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: URSS, 2002. – 357 с.
10. Большой Российский энциклопедический словарь. – М.: БРЭ. – 2003. – 1888 с.
11. Вендина Т.И. Введение в языкознание: учеб. пособие. 2-ое изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2005. – 391 с.
12. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.
13. Вежбицка А. Сопоставление культур через средство лексики и прагматики. М., 2001. – 456 с.
14. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Индрик, 2005. – 1038 с.
15. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: 2007. – 318 с.

16. Галиаскарова В.Р. К вопросу о функционировании терминов "фауноним" и "зооним" в отечественной лингвистике. – БелГУ Пенза, 2008. – с. 42-45.
17. Галимова О.В. Этнокультурная специфика зоонимической лексики, характеризующей человека: На материале русского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2004. – 309 с.
18. Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. – М.: РоссПЭН, 2004. – 560 с.
19. Гузеева К.А. Лексическая, категориальная и функциональная семантика – Москва, 1990. – 245 с.
20. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. – М.: Просвещение, 1969. – 184 с.
21. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
22. Денисенко В.Н. Семантическое поле как функция. Филологические науки. – 2002. – № 4. – с. 44-52.
23. Жаринова, О.М. Зоонимическая лексика карельского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22. – Петрозаводск, 2006. – 210 с.
24. Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. – М.: Издательство «Просвещение», 1964. – 463 с.
25. Ивлева Г.Г. Семантические особенности слов в немецком языке. учеб. пособие. – М.: Высшая. школа, 1998. – 104 с.
26. Каган М.С. Введение в историю мировой культуры. Кн. 1. – СПб.: Петрополис, 2003. – 320 с.
27. Кацитадзе Э. А. Метафоризация зоонимов в немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. – Тбилиси, 1985. – 198 с.
28. Кезина С.В. Семантическое поле как система // Филологические науки. – 2004 – № 4. – с. 79-86.
29. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

30. Кузнецова Э.В. О пересекающемся характере лексико-семантических групп слов. Семантика и структура предложения: лексическая и синтаксическая семантика. – Уфа, 2009. – 183 с.
31. Куражова И.В. Имена животных как отражение ценностной картины мира в английской лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2007. – 201 с.
32. Курбанов, И.А. Анализ зоосимволики в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2000. – 437 с.
33. Кронгауз М.А. Семантика: учебник для вузов. – М.: Рос. гос. гуманитар. университет, 2001. – 399 с.
34. Лаврова, О.В. Страноведческий компонент названий животных в аспекте межкультурной коммуникации: дис. ... канд. педагог. наук: 13.00.02 / О. В. Лаврова. – Санкт-Петербург, 2009. – 265 с.
35. Леви-Стросс К. Структурализм и экология. Первобытное мышление / пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. – М.: Республика, 1994. – 546 с.
36. Левицкий Р. О принципе функциональной адекватности перевода // Сопоставительное языкознание. – София, 1984. Т. 9. № 3. – 224 с.
37. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: СЭ, 1990. – 688 с.
38. Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. – СПб.: Искусство-СПб., 2000. – 688 с.
39. Махлина С.Т. Словарь по семиотике культуры. – СПб.: Искусство-СПб, 2009. – 752 с.
40. Мокиенко В.М. Языковая картина мира в зеркале фразеологии. – Uniwersytet Opolski, Opole, 2007. – с. 49-65.
41. Новиков Л.А. Семантика русского языка. – М.: «Высшая школа», 1982. – 272 с.
42. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1978. – 199 с.
43. Покровский М.М. Избранные труды по языкознанию. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. – 382 с.

44. Попова З.Д. Лексическая система языка. – М.: URSS, Книжный дом «Либроком», 2011. – 172 с.
45. Прокопьева Н.Н. Словообразовательная и семантическая деривация на основе устойчивых языковых символов немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 1998. – 192 с.
46. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М., 2007. – 38 с.
47. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
48. Скитина Н.А. Лингво-когнитивный анализ фразеологических единиц с зоонимным компонентом: на материале русского, английского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2007. – 227 с.
49. Солнцева Н.В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2004. – 221 с.
50. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. учеб. пособие. 2-ое изд., перераб. – М: Букинист, 1975. – 271 с.
51. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
52. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
53. Тишкина, Д.А. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в английском и русском языках: сопоставительный анализ: дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2008. – 219 с.
54. Уфимцева А.А Лексическое значение слова — Москва, 1979. – 432 с.
55. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. – М., «Высшая школа», 1983. 300 с.
56. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов. Очерки по теории языкознания. – М., 2003. – 416 с.

57. Фролова В. А. Фаунонимические глаголы современного немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2003. – 233 с.
58. Хлебников И.Б. Лексическая и синтаксическая семантика — Москва, 1989.
59. Хроленко А.Т. Теория языка: Учеб. пособие / А.Т. Хроленко, В.Д. Бондалетов. Под ред. В.Д. Бондалетова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 512 с.
60. Чекулай, И.В., Прохорова О.Н. Зоометафора как фрагмент картины мира. сб. науч. ст. междунар. науч. конф. «Проблемы лингвистики и лингводидактики. – Белгород, 2016. – с.164-177.
61. Шкуратов В. Историческая психология: Уч. пос. 2-е изд. – М.: Смысл, 1997. – 505 с.
62. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М., 1973. – 280 с.
63. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. – Москва: «Наука», 1974. – 264 с.
64. Юсифов Ю. Г. Зоологическая лексика азербайджанского языка (на основе орнитонимов): дис. ... канд. филол. наук. – Баку, 1985. – 209 с.
65. Barnes J. Flaubert's Parrot. – London: Jonathan Cape, 1984. – 190 p.

Электронные источники:

1. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/160a.html>
2. Интернет-словарь Мультитран [Электронный ресурс]: URL: <https://www.multitran.com>
3. Российский гуманитарный энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/russian-humanitarian/index.htm>

Головко Е.В.